

НЕЗНАКОМКА

ЛЮБОВНО-КРИМИНАЛЬНЫЙ РОМАН

ИРИНА МЕЛЬНИКОВА

*От ненависти
до любви*

Ирина Мельникова

От ненависти до любви

«ЭКСМО»

2010

Мельникова И. А.

От ненависти до любви / И. А. Мельникова — «Эксмо», 2010

У Марии Лазаревой совсем не женская должность – участковый милиционер. Но она легко управляется и с хулиганами, и с серьезными преступниками! Вот только неведомая сила, которая заманивает людей в тайгу, лишает их воли, а потом и жизни, ей неподвластна... По слухам, это происки шамана, охраняющего золотую статую из древнего клада. На его раскопках погибли Машины родители, но бабушка почему-то всегда отмалчивалась, скрывая обстоятельства их смерти. Что же хозяйничает в тайге: мистическая власть шамана или злая воля неизвестных людей? Маша надеется, эту тайну ей поможет раскрыть охотник из Москвы Олег Замятин. В возникшем между ними притяжении тоже немало мистики...

© Мельникова И. А., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	23
Глава 6	28
Глава 7	32
Глава 8	38
Глава 9	42
Глава 10	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Ирина Мельникова

От ненависти до любви

Глава 1

– У меня все хорошо! Очень хорошо! Лучше некуда!

Каждое утро, смотрясь в зеркало, я твержу эти слова – даже тогда, когда вижу растрепанную полусонную особу с темными кругами возле глаз, иногда с синяком, а сейчас вот с разбитой губой.

Вечером пришлось унимать драку на свадьбе, а затем, уже глубокой ночью, сопровождать двух зачинщиков в район. Один из них, Гришка Степанов, съездил мне по физиономии, а потом всю дорогу заливался пьяными слезами, клялся в вечной любви и тут же толкал локтем под ребро своего обидчика, Сашку Корнеева.

Наконец мне надоели плаксивые вопли, матерки и возня за спиной, и я приказала Гришке перебраться на сиденье рядом с водителем, а сама заняла его место. Перегаром тут воняло сильнее, добавьте к нему не вполне приятный запах пота и сможете представить мои душевные муки.

Но такова моя профессия. Поэтому я просто опустила стекло и вдохнула теплый ночной воздух. «Нива», за рулем которой сидел мой лучший дружинник Сева Пospelов, с трудом преодолевала колдобины лесной дороги, разбитой тяжелыми грузовиками. Машину раскачивало и бросало из стороны в сторону, но я привыкла к нашим дорогам и наслаждалась свалившейся на меня возможностью хоть ненадолго отвлечься от текущих проблем.

Запахи цветущей тайги – черемухи и рябины, медвежьей дудки и смородины – не просто расслабляли и завораживали. Они мгновенно вытеснили вонь. И хотя в машину тут же налетели комары, стекло я поднимать не стала. Все-таки от комаров можно отбиться, а от густого перегара одно средство – противогаз.

Сашка, лишившись соперника, притих и даже засвистел носом. Гришка же продолжал возиться и поскуливать.

– Заткнись! – не выдержал Сева и для остротки ткнул его кулаком в бок.

– Марья! Марья Владимировна! – Гришка с трудом развернулся на сиденье и отвлек меня от созерцания неба, щедро усыпанного звездами. – Сними наручники, а? – прогнусавил он и горестно шмыгнул носом. – Страсть как руки затекли.

– Они б затекли, когда на свадьбе махался, – ехидно заметил Сева и, резко вывернув руль, объехал огромную, отсвечивавшую свинцом лужу.

– Осторожнее! – вскрикнул Гришка.

– Не сдохнешь! – весело отозвался Сева. – Тепленьким в «обезьянник» доставим.

– Марья! Ты серьезно? За простую «хулиганку» на нары? Да я...

Гришка поперхнулся и, кажется, на мгновение потерял дар речи.

Даже в темноте было заметно, как заблестели его глаза. Поплакать он, конечно, мастак, особенно под пьяную лавочку. Но я – стреляный воробей, на такие уловки не поддаюсь.

– Серьезно! – сказала я сердито. – Достал ты, Гришаня, село своими выходками. Драку я оформила протоколом, куча свидетелей имеется, что ты на меня с кулаками набросился. И вещественные доказательства у меня на лице. Говорила же, не лезь!

– Марья! – Гришка, похоже, окончательно протрезвел, потому что смотрел на меня более осмысленно, а язык у него перестал заплетаться. – Да я... да ты.... Да кто тебя обидит, тот три дня не проживет!

– Точно! – опять засмеялся Сева. – Лучше нашу Марию не трожь, когда она в форме. А если без формы, то и вовсе не подходи. Так врежет, мало не покажется! – И, видно, произвольно приложил ладонь к уху.

Я усмехнулась про себя. Было дело, Сева пострадал от моей затрешины. На моем участке он самый богатый предприниматель. Держит два магазина: один в селе Марьясово, второй – в Безенкуле, на другом берегу реки. Теперь Сева – мой первый друг и помощник, а когда-то мы долго и безнадежно конфликтовали. Я едва не упрятала его за решетку за систематическое спаивание односельчан фальсифицированной водкой. В деревне ее называют «шмудряком». Сева завозил ее в свои магазины цистернами.

В конце концов мы пришли к негласному соглашению: Сева помогал мне ликвидировать все нелегальные пункты продажи спиртного, а я закрывала глаза на то, что он торговал обычной водкой в ночное время.

Но имелось еще одно обстоятельство, которое заставило Севу протянуть мне руку дружбы. Сева влюбился. В меня. Несмотря на то что я изрядно расшатала ему нервы. Не зря говорят: «От любви до ненависти – один шаг». В нашем случае получилось наоборот. Ненависть незаметно переросла в любовь. Но только с его стороны. Я же не смогла ответить ему взаимностью. Впрочем, и не пыталась.

С чувствами у меня напряженка, но влюбиться в Севу? Нет! Ни за что! Меня вполне устраивают его дружба, готовность всегда прийти на помощь, но лечь с ним в постель? Брр! Даже озноб пробрал, когда я представила, как он обнимает меня. Не знаю почему, но одно предположение, что я могу вступить с ним в более близкие отношения, вызывало отвращение. Хотя, поверьте, Сева этого не заслуживал.

Внешне он очень прилично выглядел: крепкий, высокий, одной рукой раз двадцать выжимал пудовую гирию. И невесту подыскал бы себе достойную даже в городе, не говоря уж о нашем селе. А увивался возле меня, и с каждым днем мне становилось все труднее и труднее делать вид, что не замечаю ухаживаний. Что поделаешь, если я терпеть не могла белобрых парней, да еще если у них тело густо покрыто веснушками, а ресницы и брови и вовсе смахивают на щетину молодого поросенка. Но, скорее всего, это оправдание моего прохладного отношения к мужикам вообще, и к Севе в частности.

Честно сказать, иногда я даже пользовалась его светлыми чувствами, вот как сегодня, например. Везти задержанных ночью на мотоцикле с коляской – гиблое дело. А Севе только свистни. Он даже джип свой не жалел для милицейских нужд, но сегодня я сама предложила добраться до райцентра на «Ниве», чтобы Гришаня на пару с Сашкой не загадили салон дорогого автомобиля.

Я поехала – все-таки ночная сырость пробрала до костей. Впопыхах я забыла прихватить плащ и отправилась в путь в курточке, которую обычно носила вместо кителя. Я постаралась перевести мысли в другое русло, но они почему-то меня не послушались.

Видно, так и умру в девках: надо же, самый привлекательный во всех отношениях жених нашего околотка абсолютно не интересует меня как мужчина. Поначалу я думала, что в моем организме произошли какие-то сбои на почве несчастной любви, но потом догадалась, что это издержки профессии. Ведь зачастую я наблюдала наших мужиков в самом неприглядном виде – напившихся до поросычьего визга, грязных, облепанных, с размазанной по лицу кровавой юшкой. Видела их замордованных жен, перепуганных детей. Несомненно, мне не хотелось превращаться в жалкое затравленное создание. Ради чего ломать жизнь? Чтобы иметь рядом с собой существо, чье достоинство заключается в умении строгать детей и приносить домой вместо денег одни неприятности?

Конечно, Сева не шел ни в какое сравнение с этими типами. Он не пил, не ругался матом, не размахивал кулаками. И дом себе построил, чуть ли не самый большой и красивый в районе. И машин у него не одна, не две, а пять.

У меня в наличии только служебный мотоцикл, но пользовалась я им крайне редко. Свой участок я предпочитала объезжать верхом – на таежные заимки и метеостанцию иначе не пробиться. Мой Воронок знает все козы тропы в округе. А на занятия в школу я езжу на велосипеде.

Зимой я иногда запрягала Воронка в сани. Но он этого не любил, мог заупрямиться и встать посреди дороги. Тогда уж – ни тпру ни ну! Очень упрямый, подлец, но я его понимаю: гордость не позволяет превращаться в ездовую лошадку, ведь когда-то Воронок брал призы на областном ипподроме.

Поэтому зимой я часто встаю на лыжи. Меня никто не принуждает рисковать жизнью в пургу и стужу, но я все-таки пару раз в месяц выбираюсь в дальние деревушки, чтобы их обитатели не забывали: капитан милиции Мария Лазарева всегда на посту.

Гнусаый Гришкин речитатив снова отвлек меня от копания в собственных проблемах. И слава богу! Этот процесс мог завести в такие дебри!

– Марья! – затянул свою песню Гришка. – Сними наручники! Куда я сбегу в такую грязюку?

– Ладно, – согласилась я, чтобы не слушать его вопли. – Давай сюда лапы!

Гришка с готовностью задрал руки вверх, и я сняла с него наручники.

– Ох ты! – выдохнул Гришка и принялся растирать запястья с такой откровенной радостью, словно только что избежал казни на электрическом стуле.

Сашка продолжал сопеть носом и всхрапывать. Хотя по характеру он менее буйный, чем Гришка, я решила не будить его и оставить в наручниках. Спит – и пусть спит. Быстрее протрезвеет. Мне тоже не мешало вздремнуть. По той причине, что днем выспаться вряд ли получится. Я закрыла глаза. Но то ли не прошло возбуждение после схватки на свадьбе, то ли ночные мысли меня растревожили – вздремнуть не получалось. К тому же Гришка никак не унимался. Теперь он принялся кланчить сигарету у Севы. И не успокоился до тех пор, пока тот не бросил ему на колени пачку «Кента» и зажигалку.

– Только две, – предупредил Сева Гришку. – Арестантам больше не положено! Привыкай помаленьку!

– Я тебе не арестант! Я – задержанный, – напыжился Гришка. Избавившись от наручников, он вновь обнаглел до крайности. – Я в прокуратуру жаловаться буду. За избиение, – он вытянул руки вперед, – и наручники.

– Чего? – рывкнул Сева и неожиданно резко остановил машину.

Сашка стукнулся лбом о спинку переднего сиденья, что-то замычал и выпрямился, тупо мотая головой и издавая нечленораздельные звуки.

– Сева! – крикнула я сердито. – Предупреждать надо, когда тормозишь!

От Сашкиной участи меня спасла хорошая реакция: я вовремя ухватила за спинку.

Но Сева меня не услышал. Он сцапал Гришку за грудки и притянул к себе:

– Это на кого ты жаловаться будешь, гнида вонючая? На меня или на Марию?

– Да я чего? Я ничего, – залопотал Гришка, стараясь оторвать Севины руки от своей рубашки. – Пошутить нельзя, что ли?

– Брось его! – приказала я. – Куда он побежит?

– Пусть живет!

«Нива» снова помчала нас сквозь тайгу, навстречу серенькому рассвету.

Небо все светлело, светлело на горизонте, пока сквозь утреннюю мглу не пробились первые лучи солнца. Они залили золотом верхушки деревьев. Все вокруг заиграло, запело, затанцевало. Тайга плавно уступила первенство березовым рощам, которые разлеглись на невысоких холмах вперемешку с сосновой порослью. В высоком разнотравье полыхали жарки, точно капли глазури светились незабудки, вдоль дороги желтели одуванчики и «куриная слепота». А в поднебесье заливался жаворонок. Я очень люблю раннее утро, когда все вокруг ликует от

радости. Темнота отступила, и вновь светит солнышко, синее небо, а шапочки одуванчиков схожи с облаками, которые повисли над дальними горами.

– Рассвело! – вздохнул рядом со мной проснувшийся Сашка и робко поинтересовался:
– Ты нас в район везешь?

– Нет, в Америку! На конкурс «Мистер Стальной Кулак»! – опередил меня Сева.

Я тронула его за плечо, и он замолчал.

– Везу! – ответила я. – Как ни крути, а поножовщина была!

– Так меня-то за что? – крайне удивился Сашка и погладил ладонь, перевязанную грязным бинтом. – Меня ведь Гришка пырнул. Я только защищался!

– Он тебя – ножом, ты его – табуреткой, – вздохнула я. – Какая разница, кто кого чуть не угробил? Вы ж не только друг на друга кидались, но и на окружающих. На счастье, вовремя вас связали. Был бы труп, была б другая песня.

– Так не было же трупа! – дружно взвыли дебоширы.

– Слава богу! – столь же дружно откликнулись я и Сева.

Я покосилась на Сашку. Он виновато улыбнулся и, жалобно шмыгнув носом, попытался вытереть его ребром ладони. Но это у него плохо получилось.

Тогда я сняла и наручники.

– Спасибо! – Сашка снова улыбнулся и потер запястья.

Я промолчала. В солнечных лучах задержанные мужики выглядели совсем уж неприглядно. Одежда – грязная, измятая, физиономии заросли щетиной, а дух – дух такой, словно после газовой атаки...

Наша машина тем временем выехала на асфальт, и теперь ее не трясло и не покачивало. К райцентру ведет приличное шоссе. Хотя езды до РОВД осталось на полчаса, я откинулась головой на спинку сиденья, закрыла глаза и, кажется, задремала.

Глава 2

Привел меня в чувство звонок мобильного телефона. Слава богу, Севиного – звонки на мой мобильник обычно ничего хорошего не сулят. Чаще всего меня тревожит начальство. Ему, известно, требуется от подчиненных одно: хорошие показатели в борьбе с преступностью. Недавно начальство и вовсе решило извести под корень преступность на вверенном мне участке и превратить его в образцово-показательный. Естественно, моими трудами.

Я, конечно, отвлеклась на мысли об утопических планах отцов-командиров, но все же невольно прислушивалась к тому, что говорил Сева. Впрочем, особой нужды прислушиваться не было: дорога позволяла Севе крутить баранку левой рукой, а правую он прижал к уху и восторженно орал в трубку:

– Откуда вы нарисовались? Сто лет вас не слышал, не видел!

Пара секунд ушла на то, чтобы невидимый собеседник что-то ответил, отчего Сева и вовсе захлебнулся от восторга:

– О чем разговор, Олег Матвеевич! Обязательно встречу! Я тут недалеко! С делами управлюсь, и – на станцию. К поезду успею. В войсках дяди Васи командиров не забывают!

Он выключил телефон и поймал в зеркале заднего вида мой взгляд.

– Мария! – Сева радостно прищурился. – Слышала? Комбат мой приезжает! Рыбку половить, по горам побегать. Эхма! – он энергично растер затылок свободной рукой. – Ох, и погуляем мы!

– Комбат? – удивилась я. – С чего вдруг он тебя вспомнил? Столько лет прошло! И как нашел?

– Ну, Маша – радость наша, – покачал головой Сева. – Все криминал ищешь? Я ж в ВДВ служил, а там все друг другу братаны!

– Он что, на поезде приезжает? – спросила я, не понимая, что меня так взволновало. И не просто взволновало – встревожило. Моя ли забота, кто приезжает к Севе в гости? Тем более гость – мужчина, а не женщина. Интересно, какие б чувства я испытала, если бы женщина? Я на минуту задумалась, но Сева мое молчание воспринял по-своему.

– Будь спокойна! – сказал он бодро. – Прикончишь свои делишки, и заскочим на вокзал. Часа тебе хватит?

– Мне получаса хватит, если начальство к себе не потребует, – проворчала я – так и не разобравшись, взволновал бы меня приезд Севиной женщины или нет. – А к вечеру мне нужно быть у Мордахина. Что-то ему в выходные не спится! Срочное дело, говорит.

Мордахин – глава сельской администрации и, скажу вам, форма, вернее, фамилия, как нельзя лучше соответствует содержанию. Я давненько, чуть ли не с первой минуты моего вступления в должность, пребываю с ним в контрах. И мои опоздания на совещания Мордахин воспринимает однозначно: как плевок в свою толстощеку физиономию.

Сева, видно, прочел мои мысли по глазам, потому что предложил:

– Позвони ему и скажи, что задержишься в райотделе. Он ведь в курсе, что ты должна определить этих орлов в «обезьянник»?

– В курсе! – буркнула я. – Но что ему стоит позвонить в отдел? Не хватало, чтобы он поймал меня на вранье!

– С каких пор ты боишься Мордахина? Скажи лучше, что запахло со мной ехать!

– Всеволод! – сказала я строго. – С чего вдруг я должна перед тобой отчитываться?

– Хотя бы потому, что на моей машине едешь и двух отморозков везешь...

– Ну ты осторожнее! Слова выбирай! – взъерепенился Гришка. – Какие мы отморозки? Мы что, убили кого или ограбили?

– Так лучше б ограбили! – в сердцах произнес Сева и резко вывернул руль, объезжая стадо коров, возникшее на дороге. – Тогда б за вами «воронок» прислали!

– Между прочим, я не просила везти их в город, – пришел мой черед подняться на дыбы. – Сам вызвался!

– А кто б тебя, дуреху, повез? – добродушно усмехнулся Сева. – Свадьба в разгаре, все – пьяные в дымину. Или Мордахин твой разлюбезный?

– Всеволод, – произнесла я сквозь зубы, – останови машину! Как-нибудь сама справлюсь! Сева язвительно хмыкнул, но машину не остановил.

– Мария, – тихо сказал Сашка, – не глупи! Не хватало, чтоб ты нас под конвоем вела. Позору не оберешься!

– О позоре нужно было думать, когда глаза водкой заливал, – парировала я.

– Пешком не пойду, – подал голос Гришка. – Нога болит.

– С чего вдруг? – усмехнулся Сева. – Отсидел, что ли?

– Куда там! – оживился Гришка. – Давеча у тещи с крыльца сходил, а там ступенька гнилая, вот и грохнулся. С той поры нога как не своя, все время подворачивается.

– Эх, Гриша, Гриша! – преувеличенно тяжело вздохнул Сева. – У тебя по жизни все подворачивается!

Впереди показалось длинное кирпичное здание, возле которого, несмотря на воскресенье, стояли с пяток автомобилей с синими милицейскими номерами.

Гришка и Сашка вмиг словно уменьшились в росте и замолчали. А Сева весело воскликнул:

– Приехали, господа хорошие! Выгружайся! – и посмотрел на меня: – Тебя ждать или как?

Мне очень хотелось ответить: «Или как!» – потому что я крепко обиделась и за «дуреху», и за то, что он хоть и впервые, но упрекнул меня своей помощью. На самом деле не было особой нужды везти Гришку и Сашку ночью в город. Они вполне протрезвели бы и в моем чулане, а утром я вызвала бы машину из райотдела. Тут я вспомнила, почему все-таки согласилась на настойчивое Севино предложение и отправилась в райцентр. Ведь даже насущные проблемы, заботы, дела, обязанности, одним словом – ничто не могло заслонить мое желание снова увидеть Бориса.

Я вздохнула. Очень хотелось, чтобы Сева не понял, как мне тошно, ведь он то и дело бросал на меня взгляд в зеркало над головой. Похоже, за эти годы я научилась владеть собой и безмятежно произнесла:

– Подожди! Так и быть, встретим твоего комбата!

– Ну, спасибочки! – Сева прижал руку к сердцу. – С чего вдруг передумала?

– Неохота попутку ловить, – улыбнулась я в ответ.

Какой бы Севка ни был заразой, отношения с ним портить не стоит. Все-таки он единственный человек в округе, который никогда не отказывается помочь с машиной. Да и по мелочам сколько раз выручал! От Мордахина ведь не дождешься.

Сева остановил машину рядом с милицейской стоянкой. Я открыла дверцу и вышла. И тут же увидела Бориса, точнее, Бориса Михайловича Садовникова – начальника уголовного розыска нашего РОВД. Его «Волга» подкатила почти одновременно с «Нивой» и затормозила всего в паре метров. Первым делом Борис открыл дверцу машины и подал руку красивой женщине в светлом костюме. Своей жене. Я закрыла на мгновение глаза, чтобы не видеть эту сцену.

Верка, Верочка, Верунчик, теперь – Вера Николаевна Садовникова. Когда-то моя самая близкая подруга. А сейчас? Я тряхнула головой, чтобы не произнести слова, которые выкрикнула ей в лицо тогда, двенадцать лет назад, когда узнала об измене Бориса и предательстве подруги.

Не удостоив меня взглядом, супруги прошествовали в здание РОВД. Да и с какой стати им обращать внимание на простого участкового, тягловую лошадку милиции. Я, конечно, не подала виду, что это меня не на шутку задело. Никто во всем мире не должен знать, что эти двое когда-то сыграли со мной отвратительную шутку. В первую очередь они сами. У них своя жизнь, пусть здравствуют и наслаждаются на всю катушку. У меня – своя. Пусть не слишком счастливая и благополучная, но зато в ладах с собственной совестью.

Я обдернула куртку, разгладила складку на юбке, провела ладонью по волосам и scomандовала двум помятым личностям, которые переминались с ноги на ногу возле «Нивы»:

– Руки за спину и шагом марш в дежурку!

Сева тоже вышел из машины и, облокотившись на капот, дымил сигаретой. Выглядел он, как всегда, здорово, словно не провел бессонную ночь за рулем автомобиля. Розовощекий, загорелый, косая сажень в плечах...

«Эх, Сева, Сева, – подумала я с тоской. – Знал бы ты...»

Но мысли свои не озвучила, потому как Севе не положено знать, о чем я подумала. В любом случае я не расскажу ему о своих переживаниях. Даже под самой страшной пыткой не сознаюсь, насколько мне порой одиноко и трудно.

– Подожди меня, – сказала я мягко и улыбнулась. – Я быстро!

Севины глаза радостно блеснули. Как мало нужно мужику, который питает к тебе теплые чувства.

– Да чего там! – расплылся он в ответной улыбке. – Делай свои дела, еще успеем! – И вдруг произнес скороговоркой, не обращая внимания на развесивших уши Сашку и Гришку: – Ты прости меня, а? За «дуреху» и за то, что машиной попрекнул. Мне не жалко, пойми! – Он прижал руку к сердцу. – Только не обижай! И не командуй!

– Посмотрим, – сказала я и перевела взгляд на своих подопечных. Они уже достигли крыльца и торопливо курили одну сигарету на двоих.

– Кончай курить! – прикрикнула я на них.

Сашка, сделав судорожную затяжку, передал окуроч Гришке. Тот обжег пальцы и выронил «бычок» на асфальт.

– Поднять «бычок»! Отправить по назначению! – приказала я.

Гришка поднял курившийся сизым дымком окуроч и с сожалением пульнул его в урну.

– Мария Владимировна, – он лъстиво улыбнулся, – может, решим все полюбовно? Мы вон с Шуриком все осознали. Надо будет, в дружину твою вступим. И с пьянкой, вот те крест, – он быстро перекрестился, – в один миг завяжем!

Я покачала головой:

– Мне ваши клятвы уже поперек горла...

Я не успела сказать все, что полагается в таком случае, так как дверь, возле которой топтались незадачливые герои криминальной сводки, внезапно распахнулась. Из нее вылетел чрезвычайно взволнованный Борис. Должно быть, случилось нечто из ряда вон. На ходу он натянул форменную фуражку, а под кителем я заметила оперативную кобуру. За ним выскочили двое оперативников в таком же возбужденном состоянии. Гришка и Сашка вовремя отпрянули в сторону. Я же слегка запоздала, и коллеги едва не смели меня с крыльца. Летевший последним грубо пихнул меня, выругался сквозь зубы и на рысях ломанулся к служебной машине, подкатившей к «Волге».

Я пошатнулась, ухватилась за перила и оглянулась. Садовников в эту минуту вылез из своего автомобиля и что-то быстро говорил выбежавшим вслед за ним операм. Они успели забраться во вторую машину и, высунув головы в окна, с нетерпением выслушивали инструктаж начальства. Скорее всего, я права: в воскресенье почти весь состав нашего уголовного розыска редко переводят в боевую готовность. Разве уж какое ЧП.

То ли почувствовав мой взгляд, то ли по какой другой причине, Борис глянул в сторону РОВД. Понятное дело, он сразу определил, что я уставилась на него. В его глазах промелькнуло недовольство. Он скривился, точно я поймала его на чем-то нехорошем, и нырнул в «Волгу».

Настроение снова испортилось. И с какого перепуга мне вздумалось глазеть. Теперь будет думать, что я специально путаюсь под ногами, а у меня и в мыслях нет. Наоборот, постоянно борюсь с желанием увидеть его.

На долю секунды мне стало неприятно, что мой вид вызывает у него отвращение. Будь мы один на один, я бы нашлась, что сказать. Но такой случай вряд ли представится, поэтому я молча проглотила обиду и открыла дверь, пропустив вперед Сашку и Гришку. Правда, переступив порог, с трудом перевела дыхание: оказывается, поймав взгляд Бориса, я забыла, что нужно дышать. От неожиданности всякое бывает.

Когда-то, юная и наивная, я мечтала полюбить героя. Борька подходил по всем статьям: красавец, спортсмен, за словом в карман не лезет... И все было прекрасно, пока на горизонте не появилась Веруня, с которой мы дружили с первого класса. Уверенная, пробивная, победительница по жизни... Она сразу ухватила Садовникова за хобот, да так, что он и пикнуть забыл.

Возможно, женись он на ком-то другом, я бы не столь болезненно пережила расставание. И не занесла бы его в список негодяев, где он останется до конца и после. Теперь все мужчины для меня либо негодяи, либо ничтожества. Лучше негодяй, чем ничтожество: он хотя бы более предсказуем. Правда, эта точка зрения не блещет оптимизмом. Если все так плохо, зачем любить? Страдать, мучиться, реветь в подушку? Ни один мужик не стоит таких переживаний. Никого не любить – никого не прощать... И расставаться не придется! Разве так не проще жить?

Взгляд Бориса продолжал преследовать меня. Все же я не безразлична Садовникову. И хотя тут явно не любовь, не признательность, но ведь что-то он испытывает? Значит, не равнодушен, значит, обеспокоен!

«Шалишь, Боря, – подумала я со злорадством. – Все ты помнишь, милый мой! Все до капельки!»

И на этой жизнерадостной ноте подошла к окошку «Дежурной части».

Глава 3

На самом деле мне хватило двадцати минут, чтобы сдать горемык в кутузку. Честно сказать, я не ставила себе цель отправить хулиганов за решетку. У того и другого куча детей – мал-мала меньше. Жены по этой причине не работают. Водворение буянов на нары пусть и избавит их семьи от пьяных дебошей, но временно, а вот на семейном бюджете это скажется непременно. Сашка и Гришка трудились в местном лесхозе и деньги на лесоповале зарабатывали хорошие.

Впрочем, я не слишком забивала голову подобными рассуждениями. «Виновен? Понеси наказание, чтобы другим неповадно было! Не создавай своим близким и друзьям головную боль, отвечай за свои поступки, живи по совести и не завидуй. От зависти все болезни, несчастья и преступления». Бабушкины слова я запомнила навечно. Они для меня сродни библейским заповедям, и я стараюсь выполнять их неукоснительно. Хотя понимаю, что, по большому счету, все мои беды как раз от упрямства и нежелания действовать в обход неприятностей.

Я взглянула в зеркало, сообщила самой себе, что жизнь прекрасна, несмотря на разбитую губу, и постаралась сделать все, чтобы изгнать из памяти образ счастливой семейной пары. Наверное, от этого мое настроение улучшилось. Возможно, повлияло и то, что после недели проливных дождей небо наконец-то очистилось от туч, солнце сияло, будто в первый день Творения, и до конца лета так же далеко, как до гор, синевших на горизонте.

– Едем? – деловито поинтересовался Всеволод и открыл дверцу машины.

Я отметила, что теперь мне предстоит ехать на заднем сиденье, но вслух ничего не сказала, тем более что преимущество очевидно: можно вздремнуть, а Сева не будет досаждать разговорами. Судя по его счастливой физиономии, он весь в предвкушении встречи со своим бывшим командиром. Странное дело, наверняка во время службы крыл «батяню» последними словами, да и тот, скорее всего, ему немало крови попортил. А вот приезжает, и Сева радуется, словно пацан первому в жизни свиданию.

Помнится, бабушка говорила, что самые благодарные ученики получают как раз из отпетых двоечников и хулиганов. Не знаю, насколько это верно. Возможно, бабушка слегка лукавила. На самом деле ее обожали все ученики, без исключения, хотя она никогда и никому не делала поблажек, не заигрывала, не лебезила, была строгой и требовательной учительницей. Строгой, но справедливой. А справедливость всегда ценится высоко и помнится долго.

У нее училась добрая половина нашего села и даже дети из Безенкуля, где жили одни староверы. Они – люди строптивые, и если отдали детей в мирскую школу, значит, безгранично доверяли учительнице.

Вспомнив бабушку, я чуть не всплакнула. Полтора года прошло, как ее не стало. Теперь у меня во всем белом свете нет никого, кому я могла бы пожаловаться на отдельные печальные обстоятельства или обсудить проблемы, которые нельзя развести одним движением руки. Но я борюсь, бьюсь, сражаюсь, иногда побеждаю, иногда нет, и тогда я лишь отражаю нападение, чтобы не погрязнуть с головой.

Подруг у меня нет, среди сослуживцев – большей частью мужчины, а те женщины, что имеются, старше меня лет на десять. Все они дамы семейные, затурканные нелегкой милицеейской службой, детьми, мужьями и прочими родственниками.

Одна ровесница есть – Верочка Садовникова. Я недовольно поморщилась. Ведь это моя самая большая проблема.

Иногда мне кажется, что Борис намеренно перевелся в наш РОВД. Понимаю, что это ерунда. Он ни сном, ни духом не ведал, что я служу в милиции. В городе я работала в школе, учительницей начальных классов, и даже в дурном сне не могла представить, что сменю бук-

вари и тетрадки на форму милиционера, да не какого-нибудь, а участкового уполномоченного, в чьем попечении находится территория, равная двум Бельгиям (или Голландиям).

– Маша, – голос Севы прервал мои мысли, – я у магазина приторможу. – И выразительно щелкнул себя по горлу: – Встречу с командиром полагается обмыть!

– Тормози, – ответила я. – Мог бы не спрашивать!

– Марья, – Сева укоризненно покачал головой, – что ты по всякому поводу огрызаешься? Понятное дело, не выпалась. Но на людях зачем дурное настроение срываешь?

– Ты меня в дурном настроении еще не видел, – пробурчала я в ответ.

– Прямо! Только при командире, прошу тебя, не опускай меня ниже плинтуса, а?

– Слушай, иди уже! – рассердилась я, потому что «Нива» на полном ходу чуть не врезалась в крыльцо районного магазина, а какая-то бабуся резво отскочила в сторону и погрозила нам сухоньким кулачком.

Сева вышел. С минуту я наблюдала, как старушка вправляет ему мозги, а Сева покорно кивает головой, и закрыла глаза. Тихо играла музыка. Нежная, чистая мелодия... Такая грустная, что у меня невольно сжалось сердце. Зачем я опять сорвалась, нагрубилась Севе вместо благодарности, что он всю ночь не спал, помогал мне?

Я вздохнула. Что-то изменилось в моем характере за последние годы, и – самое печальное – в худшую сторону. Конечно, мне не хотелось связывать это со службой. Сильный отпечаток в душе оставили измена Бориса и смерть бабушки. И все-таки жизнь идет своим чередом, а горькие потери совсем не повод превращаться в злобную фурию. Умом я все понимала, но как переломить себя, как пересилить? Как забыть?

В душе что-то хрустнуло и разбилось, будто старая ваза, в черепки. Как же мне муторно! Сева точно заметил – все от усталости. В последнее время я почти не отдыхала. Хорошо хоть в школе начались каникулы, а то бы у меня окончательно снесло крышу. Если в будущем году району не найдет учителя в нашу малокомплектную школу, мне снова придется вести уроки параллельно со службой в милиции. А это головная боль, причем сильнейшая! Ко всему прочему раз в неделю нужно непременно выкроить день, чтобы съездить на метеостанцию. У тамошнего начальника сын болен церебральным параличом и не может посещать занятия. В будние дни я частенько занята сутки напролет, поэтому навещаю мальчика по выходным.

Конечно, я могу отказаться, и когда-нибудь это придется сделать, но кто будет учить ребят? А их пятнадцать человек, да осенью добавятся четыре первоклассника. Если школу закроют, до ближайшей – три десятка километров по глухой тайге. Как детям до нее добраться, уму непостижимо, особенно зимой, когда зарядят морозы и задуют ледяные ветры.

Учителя к нам не едут. Что им делать в глухомани? Молодежи у нас мало, клуб не работает, медпункт держится на фельдшере Евдокимыче, которому пошел седьмой десяток. Порой для него самого приходится вызывать неотложку из райцентра. А она зачастую не может к нам пробиться то из-за дождей, то из-за снегопадов. Вот и лечится народ доступными средствами: медом да травами, а в большинстве случаев самогоном и водкой. И бабы, бывало, дома рожали, а мне приходилось выступать в роли повитухи. Правда, под присмотром Евдокимыча. У него воспалились суставы, так он советовал мне, что да как, а я принимала роды. Ничего, справилась, хоть и страху натерпелась. Зато по селу уже двое пацанят бегают, крестники мои, получается.

Хлопнула дверца машины.

– Ну, все, затарился! – бодро сообщил Сева.

Я не открыла глаза и не ответила.

– Спишь, что ли? – опять подал голос Сева.

– Теперь не сплю, – ответила я, стараясь, чтобы мой голос звучал не слишком сердито.

– Ложись на сиденье. Я тебя курткой прикрою, – не отставал Сева.

Делать нечего, пришлось открыть глаза.

- Ага, сейчас. Командир твой в машину сядет, а там баба на заднем сиденье валяется.
- Вот если б ты голая валялась, – захихикал Сева.
- Кто о чем, а вшивый о бане, – все же не сдержалась я. – В форме я ложиться не буду.
- Как знаешь, – ответил Сева и включил мотор. – Тебе не угодишь!

Я хотела ответить, что и не надо, но подумала, что этим вызову новую словесную перепалку, и промолчала.

Сева одной рукой передал мне джинсовую куртку.

- Вижу ведь, продрогла!

Я улыбнулась в ответ на его быстрый взгляд в зеркальце и накинула куртку на плечи.

- Спасибо, Сева, – сказала я проникновенно, – ты – настоящий друг!

Сева расплылся в ответной улыбке.

– Почему ты редко улыбаешься? – спросил он. – Такая девушка красивая, а как форму натянешь, сам не знаю, в кого превращаешься.

– Оставь, Сева, – сказала я тихо. – Я прекрасно знаю, в кого. В змею подколенную, в стерву. Ты это имел в виду?

– Маша, – снова посмотрел в зеркало Сева, – ты ведь знаешь, я так не думаю. Только обидно, со всеми ты лучше некуда, даже с этими поганцами, что машину чуть не заблевали, а со мной точно с врагом заклятым! Что я, рылом не вышел? Не пью, не гуляю, все в дом, все в дом... Жила б за мной, как за каменной стеной. Будто Марья-царевна!

- Сева, давай не будем! Зачем воду в ступе толочь? Не собираюсь я замуж.

- Не собираешься! – скривился Сева. – А если соберешься? За кого пойдешь?

Все мои благие намерения не грубить Севе вмиг улетучились. Кто ж его просил затевать этот разговор?

- Не твоя забота, Сева! О себе подумай! Вон сколько девок незамужних. Только свистни!

– И свистну! – с досадой произнес Сева и резко вывернул руль, отчего я чуть не врезалась головой в боковое стекло. – И женюсь!

- На здоровье! – буркнула я. – Буду очень рада!

– Ну и дура! – рывкнул Сева и выругался: прямо из-под колес метнулась рыжая дворняга и залилась вслед пронзительным лаем.

– Может, и дура! – согласилась я. – Ты прав, за тобой, как за каменной стеной... Молодая жена оценит!

– Так в чем дело? – воскликнул Сева. – Хоть сегодня ко мне переезжай! Там и свадьбу сыграем. Все честь по чести!

– Нет, Сева, не получится, – я виновато улыбнулась в ответ на его взгляд. – Не трать время. Женись и думать обо мне забудь!

– Тебя забудешь, как же! – насупился Сева. – Я ж в тебя еще в десятом классе втрескался. Из армии письма писал, только не отправлял. Знал ведь, все равно не ответишь. Фотокарточка твоя у меня в казарме на стенке висела.

- Откуда? – поразила я. – Я тебе ничего не дарила.

- Так я у подружки твоей выпросил, у Верки.

- У Верки? – опешила я. – Она мне даже не сказала.

– Это я попросил, чтоб не говорила, – самодовольно усмехнулся Сева. – Я ведь тебя жутко стеснялся. Ты такая была... – Он повертел пальцами перед лицом. – Красивая, недоступная, на парней совсем не смотрела. Правда, и сейчас не смотришь... – вздохнул он и тут же хитро: – С Веркой поругалась, или как? Признавайся, что не поделили? Или кого?

- Отвяжись, а? – попросила я с надеждой. – Что ты в мои дела нос суешь?

– Да, бог с ней, с Веркой, – Сева подмигнул мне и снова ухмыльнулся: – Мужика она себе видного отхватила. Кто бы сомневался! Верка что схватит, то не выпустит! Пять копеек

вход, рубль – выход! А комбат тогда твою фотку увидел и говорит: «Ишь, глазастая! Из таких, Всеволод, настоящие боевые подруги получаются».

– Он еще и психолог, твой комбат? – я решила перевести разговор в более нейтральное русло.

– Не ехидничай, – отрезал Сева. – Комбат мой мужик с понятиями, ему и тридцати не было, когда батальоном командовал.

– Сейчас, наверно, уже генерал, – улыбнулась я. – С чего его в нашу глушь потянуло?

– Генерал не генерал, а полковника точно получил. Ему досрочно майора дали. Правда, я уже дембельнулся к тому времени. Они группу боевиков в Дагестане обезвредили. Те хотели то ли школу, то ли клуб во время выборов взорвать.

– Герой твой батяня, – сказала я искренне. – Вот таких мужиков я уважаю.

– Спасибо на добром слове! – сверкнул глазами Сева и сообщил: – Приехали!

Впереди показалось низкое беленое здание станции. Сева посмотрел на часы.

– Минут пятнадцать до поезда. Я побежал.

– Беги, – кивнула я. – Только машину закрой. Я прогуляюсь за сигаретами.

– Не могла сказать, когда я в магазин заезжал? – Сева посмотрел на меня с осуждением. – Вечно все не по-людски!

– На пачку сигарет я заработала, – сказала я и вышла из машины.

Сева что-то буркнул под нос и тоже покинул машину. Заметно было, что он рассердился. Ничего страшного, не могла же я сказать ему, что помимо сигарет и желания подышать свежим воздухом у женщин бывают другие потребности?! Обратный путь был не близким. Не тормозить же мне машину среди тайги и бежать в кусты на глазах у мужиков?

Мы разошлись в разные стороны. Сева чуть ли не вприпрыжку помчался к станции, а я – в сторону привокзального кафе, где имелся туалет для посетителей.

Глава 4

Я вернулась к машине в тот момент, когда пассажирский состав прибыл на станцию. Здание вокзала и деревья мешали рассмотреть, что происходит на перроне. Я присела на лавочку под огромным тополем и закурила. Давненько я не позволяла себе так безмятежно взирать на происходившее вокруг. Солнце изрядно припекало, громко чирикали и дрались из-за яблочного огрызка воробы. На небольшом привокзальном рынке дремали торговки картошкой, огурцами и местным варенцом с такой толстой корочкой, что трудно пробить ложкой. Вспомнив о варенце, я сглотнула голодную слюну. Почему мне даже в голову не пришло перекусить в кафе? Впрочем, вовремя поесть я и дома частенько забывала. Обычно поднимаюсь с первыми петухами, остатки сна разгоняю чашкой крепкого кофе. А дальше как повезет. Бывало, к вечеру начинаю валиться с ног от усталости и понимаю, что, кроме кофе, ничего во рту не держала. И сейчас у меня засосало под ложечкой, только никуда тащиться страсть как не хотелось.

В крошечном скверике, усыпанном одуванчиками, бомжи сортировали стеклянные бутылки; мимо пробежала стайка хохочущих девчонок; прошел носильщик, толкая тележку, заполненную доверху огромными клетчатыми сумками. «Челночник какой-то из рейса вернулся», – подумала я лениво, приоткрыв на стук колес один глаз. Затем зевнула, подумав, не снять ли куртку. Но представила, во что превратилась форменная рубаша, и отказалась от этой мысли.

Мимо туда-сюда сновали люди. Пожилые женщины с плетеными сумками, забитыми домашней снедью, спешили к перрону, там они приторговывали по прибытии проходящих поездов. Мужчины же вооружались бутылками пива и, как я, прохлаждались под сенью деревьев или в том же скверике, обеспечивая бомжей постоянной добычей. Понятное дело, вчера была суббота, банный день, пришла пора опохмелиться. Не обремененная школьными заботами детвора гоняла мяч на пыльной лужайке, оглашая воздух звонкими криками. На соседней лавочке устроилась юная парочка влюбленных.

Я вспомнила себя в тот момент, когда мне сообщили, что Борис женится на Верочке Харламовой. Нет, лучше не вспоминать! Хотя я себя не числила в записных красавицах, но то, что тогда смотрело на меня из зеркала, выглядело «страшно, как моя жизнь!» – так выразилась наша с Верочкой квартирная хозяйка.

Теперь я понимаю, почему она ходила за мной по пятам, досаждавая вниманием и заботой. Видно, думала, что я руки на себя наложу. Или, наоборот, прикончу сладкую парочку. Но даже тогда, когда жизнь окрасилась в черный цвет, я не помышляла о самоубийстве. В жизни у меня оставался самый дорогой для меня человек – больной и почти беспомощный, моя бабуля, ради которой я смогла бы перенести и не такие потери.

Тут мое внимание привлекли два мужика – невысоких, но крепких, явно не здешних. На вид прилично за тридцать, но густая щетина на щеках всегда прибавляет возраст. Одеты походному, в камуфляжной расцветки куртки и штаны. На голове одного – старая армейская панاما. Второй – без головного убора, но из кармана куртки выглядывал козырек бейсболки. На ногах – крепкие ботинки с высоким берцем и толстой подошвой. За спинами – большие станковые рюкзаки.

Туристы как туристы, но что-то заставило меня насторожиться. И не только потому, что они присели на лавочку, которую недавно занимали влюбленные. Мне не понравился взгляд одного из них – быстрый и цепкий, откровенно недружелюбный и подозрительный. Скользнул и ушел в сторону. Я почувствовала тревогу, хотя к туристам всегда испытываю симпатию: добродушный и веселый народ редко нарушал общественный порядок. Разве что песни погорланят на перроне перед отправлением поезда или палатки свои разложат для просушки в скверике.

Но это сущие пустяки по сравнению с бродягами или цыганами, которые исправно разбивают свой табор на окраине райцентра.

Парни с рюкзаками ни к бродягам, ни к цыганам не принадлежали, но и туристами не были. Охотники у нас в это время не появляются, весенний сезон уже закрыт, до осеннего – два с лишним месяца. На рыбаков, у которых обычно приторочены удочки к рюкзакам, они тоже мало смахивали. Может, геологи или топографы? Но те небольшими группами и без своих инструментов тоже не появлялись.

Пока я строила умозаключения, парни перебросились несколькими фразами, какими именно, я не расслышала. Затем один вскочил на ноги, настиг шуструю бабуся с кошелкой и принялся ее о чем-то расспрашивать. Я старалась не разглядывать их впрямую, но краем глаза заметила, что из-под куртки у второго торчат ножны. Это хороший повод проверить документы, в том числе и на нож, который явно не тянет на перочинный.

Но меня разморило на солнце, было лень двигаться, а мои подозрения наверняка не имели под собой никаких оснований. Я решила оставить парней без внимания. Подхватив рюкзаки, они двинулись к автобусной станции. Я проводила их взглядом. Привычка – вторая натура. Беспокойство не отпускало. Наверно, следовало узнать, куда они направляются. Понятно, они в наших краях впервые, иначе не стали бы расспрашивать старушку, откуда отходят автобусы. Нормальные люди в первую очередь обращаются с вопросами к сотрудникам милиции. Я сидела на соседней скамейке, но они предпочли меня проигнорировать. Неужели и вправду опасались?

«Нет, все-таки нужно проверить у них документы или, по крайней мере, сообщить патрульным, чтобы присмотрелись к этим типам», – подумала я с неохотой, проклиная в душе собственную верность служебному долгу.

Я поднялась на ноги и тут же – о спасение! – в двух шагах заметила Севу в компании высокого мужчины, одетого по той же схеме, что и смутившие меня «туристы». И тоже с рюкзаком, но только меньших размеров. Сева нес солидных размеров спортивную сумку и чехол, похоже, с удочками. Из чего я сделала вывод, что комбат приехал в наши края надолго.

– Маша, – Сева сиял от счастья, – знакомься, Олег Матвеевич, мой командир. – И перевел свой взгляд на гостя. – А это Маша, о которой я вам рассказывал.

«И что же ты успел рассказать?» – подумала я и подала руку Олегу Матвеевичу.

– Очень приятно! Мария Лазарева, капитан милиции, – сказала я. – Добро пожаловать.

– Вижу, вижу, что капитан, – улыбнулся бывший Севин комбат. – Просто очаровательный капитан!

Зубы у него были ровными и белыми-белыми, точь-в-точь как у звезды Голливуда. И сам он оказался симпатичным мужчиной средних лет с короткой стрижкой. Этаким крепыш в выцветшей армейской форме со споротыми нашивками. Из-под куртки у него выглядывала новая тельняшка, рукава же были закатаны, и я разглядела на правой руке, чуть ниже локтя, рубец – след от недавно зажившей раны. И загар отнюдь не пляжный, такой встречается у мужиков, которые долго работают на открытом воздухе. Впрочем, не удивительно, если учесть, в каких войсках он служил.

– Олег Замятин, – он крепко пожал мне руку, но не так, чтобы свело пальцы, как от Севиного рукопожатия.

Ладонь у него была сухой, теплой, с твердыми бугорками мозолей.

– На рыбалку к нам вырвались? – вежливо поинтересовалась я и кивнула на вещи, которые Сева принялся укладывать в багажник. – Сейчас на ловлю рыбы установлены ограничения. На ценную нужна лицензия, а летом охотиться вообще запрещено. Смотри, Сева, если потащишь гостя в горы без лицензии...

– Ну вот, – снова расплылся в улыбке Замятин, – не успел приехать, а меня уже в чем-то подозревают. Или был прецедент, Всеволод?

– Ничего не было, – проворчал Сева. – Просто Марии по службе положено профилактику среди населения проводить.

– Строгая у тебя девушка!

Замятин скользнул по мне взглядом, профессионально цепким и оценивающим. Мне не привыкать. У нас у каждого сотрудника, даже у тыловигов, взгляд цепкий и оценивающий. Но почему у меня задрожали коленки, а сердце ухнуло куда-то в область желудка?

По-всякому на меня смотрели: чаще с ненавистью, реже с любовью, кто-то с отчаянием, кто-то с мольбой... Ни от одного взгляда я не терялась, а тут вдруг поняла, что не знаю, как ответить, хотя мне совсем не понравилось замечание про «твою девушку». Ну, еще будет время обсудить этот вопрос с Севой. Поэтому я промолчала и, воспользовавшись тем, что он открыл машину, скользнула на заднее сиденье.

– Рассказывай, – сказал Замятин, переключившись на Севу, как только «Нива» тронулась с места. – Чем занимаешься? Институт, надеюсь, окончил?

– Да как вам сказать... – Сева почесал затылок. – С институтом не получилось, а вот техникум осилил. Торговый. Свое дело открыл, три магазина, кафе... На жизнь не жалуюсь!

– А что ж до сих пор не женился?

Замятин сидел вполоборота и, разговаривая с Севой, то и дело поглядывал на меня и улыбался.

– Вон какая Маша у тебя красавица, а ты волюнку тянешь! Смотри, уведут!

– Не уведут, потому что я не его девушка, – сказала я сухо, чтобы закрыть неприятную мне тему. – Всеволод командует народной дружиной. Хорошо со своими обязанностями справляется, на этом наши отношения и строятся.

– Ого! – изумился Замятин. – Значит, я ошибся. Прошу прощения! – глаза его сверкнули, и он обратил свой взгляд на Севу. – Чего теряешься?

– Не идет Марья за меня, Олег Матвеевич!

Сева не повернул головы, но по тому, как напряглась его спина, я поняла, что ему тоже неприятен этот разговор.

– Хоть убейте, не пойму, что ей надо, – продолжал Сева. – Все принца ждет на белом лимузине. Только лимузины в наши дебри не пробьются. К нам лучше на вертолете, в крайнем случае, на тракторе. Хоть какая-то гарантия, что в грязи не потонет.

– Сева, оставь, – попросила я и обратилась к Замятину, чтобы переключить его внимание: – Надолго к нам?

– Время покажет, – пожал он плечами. – Да и погода, само собой. В принципе, я не спешу. На пенсию меня списали, так что теперь я сам себе хозяин-барин. Поживу здесь, дух переведу, а потом посмотрим, что дальше делать, чем заниматься...

– Как списали? – вмешался Сева. – Какая пенсия? Вы ж свое не отслужили! И пенсия, наверно, с гулькин шиш?

– Мне много не надо, – усмехнулся Замятин. – Я ведь один как перст. Жена ноги сделала, когда узнала, что генеральские погоны мне не светят. Детей мы так и не успели родить. Я все больше по командировкам. «Горячие точки», то да се. А ей что прикажете делать? Куковать по общежитиям? Я ее не осуждаю. Молодость проходит, а ей ребенка хочется. Жаль, что не от меня, но что поделаешь, если судьба так распорядилась.

– Это у вас удочки в чехле? – влезла я. – Не карабин?

– Не, – серьезно ответил Замятин. – Предъявить?

– Не нужно, – сказала я.

– А чего тогда докапываешься? – Сева бросил на меня сердитый взгляд в свое зеркальце и пояснил Замятину: – Натура у нее такая, беспокойная! Мало ей на участке забот, в ночь полночь поднимают, так еще в школе уроки ведет...

Замятин окончательно развернулся в мою сторону.

– Радоваться надо, что девушка энергичная, – он с веселым удивлением посмотрел мне в глаза, отчего мурашки пробежали по коже, а кончики пальцев похолодели. – А ты, смотрю, ее осуждаешь!

– Ее б энергию да в мирных целях! – проворчал Сева. – Чтобы не надрывалась! Я ей говорю: «Успокойся!» – а она свое гнет. На кого только похожа стала!

В его голосе проскользнула жалобная нотка, чего за Севой отродясь не водилось. Видно, я впрямь довела его до ручки, если он решил поплакаться в жилетку своему командиру. Я подумала, что у Севы, как и у меня, нет никого на свете, кому бы он мог излить душу. Только мне совсем не хотелось, чтобы это происходило в моем присутствии.

– Сева, я тебе случайно не мешаю? – спросила я, стараясь не смотреть на Замятина. – Тебе нужно пожаловаться на судьбу?

Сева сердито хмыкнул, а Замятин прищурился и пожал плечами, но промолчал. Я демонстративно закрыла глаза и сделала вид, что задремала. Пусть болтают о чем угодно, а меня оставят в покое!

Моим попутчикам, кажется, расхотелось разговаривать. Изредка они перебрасывались словами, но они касались в основном ходовых качеств машины и дороги, которая при дневном свете выглядела во сто крат более грязной и разбитой, чем ночью.

Я изо всех сил старалась задремать. Машину немилосердно трясло и подбрасывало на ухабах. Пару раз она принималась буксовать, отчего грязь разлеталась веером, покрыв стекла густым налетом. Теперь невозможно разглядеть, где мы находимся, хотя дорогу я знаю как свои пять пальцев.

На третий раз «Нива» увязла основательно. Мотор надсадно ревел, грязь фонтанировала, Сева хрипло ругался, но все впустую. Наконец мужчины выбрались наружу, оставив меня в салоне наблюдать за их попытками вызволить машину.

Я приоткрыла дверцу и выглянула наружу. Сева с топором в руках направлялся к зарослям, затянувшим обочину дороги, а Замятин, присев на корточки, заглядывал под колеса. Его ботинки были густо забрызганы грязью, штаны тоже перепачканы в глине. На секунду я пожалела его. Наверняка комбат не рассчитывал на такие приключения. Но жалость вспыхнула и столь же быстро исчезла. С какой стати? Здоровый мужик, с головой на плечах. Надо хорошенько подумать, прежде чем забираться в медвежий угол!

Сева возился в кустах, кряхтел и ругался, вырубая ветки. Машина одним боком завалилась в оставленную лесовозами глубокую колею, до краев заполненную желтой вязкой жижей вперемешку с кусками коры и крошевом веток.

Замятин заметил, что я выглядываю из машины, и поднялся на ноги.

– Осторожнее, – предупредил он. – Мы уж как-нибудь сами управимся.

– Машину придется толкать, – сказала я строго. – Я переберусь на место водителя. Отвернитесь, а то я в юбке.

Замятин удивленно приподнял одну бровь. Только теперь я заметила, что ее перечеркнул тонкий, как ниточка, шрам.

– Я отвернусь, – сказал он, – хотя сквозь стекла все равно ничего не видно. – И улыбнулся.

Я захлопнула дверцу, а затем задрала повыше юбку и перелезла на место Севы. Замятин направился к нему навстречу, чтобы помочь справиться с мокрой, в клочьях лишайника лесинной, которую тот, чертыхаясь, тащил на плече.

Мужчины поднесли ее к луже. Лесина оказалась слишком длинной и сучковатой, и они какое-то время тщетно пытались затолкать ее под колеса. Наконец Сева взялся за топор, пытаясь отрубить верхушку. Он перемазался с головы до ног, но уже не обращал на это никакого внимания. Замятину тоже досталось. Лицо его вспотело и покрылось грязными разводами.

Лезвие топора отскакивало от мокрой древесины, как мячик.

– Ну, паскуда! – в сердцах ругнулся Сева и оттолкнул ногой лесину. – Листвяг попался. Надо что-то другое поискать.

– Наруби лапника, – посоветовала я из машины.

– Где тот лапник, а где я, – с досадой отозвался Сева. – Гляди, тут до макушек все ободрали. Самое гиблое место – Глухая Падь. И хворост весь подобрали. Да, дорога, – почесал он в затылке, – видно, дьявол ее мостил за грехи наши тяжкие!

– Как же мы ночью эту яму проехали? – спросила я с недоумением. – Даже не заметили.

– После нас тут лесовозы прошли, – раздраженно пояснил Сева. – Разбили все в хлам, чтоб им колеса оторвало!

– Лес возят? – поинтересовался Замятин.

– То, что от него осталось, – буркнул Сева. – Москвичи все леспромхозы в округе скупили. Лес валят, что бреют. Заметь, о восстановлении речи не идет, зато все подчистую, вплоть до опилок вывозят. В Китай! И никто им не указ, даже прокуратура. – Он посмотрел на небо и с досадой сплюнул в лужу: – Опять туча заходит, чтоб ей пусто было!

Я проследила за его взглядом. Туча еще не закрыла солнце, но краем уже зацепила горы. Едва слышно порывивал гром, мелькали багровые сполохи. Приближалась гроза, в лесу – сущее бедствие. Хорошенькая перспектива попасть в переделку посреди грязной лужи!

«Собираешься в тайгу, одевайся, как в зиму!» – любил повторять мой сосед дед Игнат, по кличке Шихан. Не знаю, откуда пошло это прозвище. Возможно, от слова «жиган», а то и «шихан» – так у нас называют одинокую гору в тайге. Дед подходил под все эти определения. Сколько помню – а появился он в наших краях, когда мне было лет пять, – все время жил бобылем, и был не только хитрым и удачливым охотником, но и мастером баек на все случаи жизни. И так мастерски их рассказывал, что не поймешь, где правда, а где тебя очень ловко разводят. Правда, при чужих людях обычно помалкивал. В селе его считали нелюдимым, но мы с ним дружили. Шихан по-отечески заботился обо мне, и много ошибок в начале службы я избежала благодаря его наставлениям или, как он говорил, «поучилкам». Вчера пренебрегла его заветами, не прихватила теплую куртку, а на ноги надела не кроссовки, а туфли, пускай на низком каблуке, но все же обувь для тайги не приспособленную.

Ветер уже раскачивал кроны деревьев, внизу рокотала река, тайга глухо шумела: первый признак того, что скоро зарядит дождь – и надолго!

– Ничего себе! – воскликнул Замятин и посмотрел на Севу. – Может, в машине отсидимся? А тем временем какой-нибудь грузовик проскочит. Или те же лесовозы вернутся.

– Ага, как мы проскочили! – Сева сплюнул в лужу, затем наклонился и заглянул в машину. – Жива еще?

– Твоими молитвами, – вздохнула я.

Я лучше Замятина понимала, в какую задницу мы попали. Мне снова стало жалко Севиного боевого командира. Но я не подала виду: Олег Матвеевич не похож на человека, который нуждается в жалости, тем более в сочувствии незнакомых женщин.

Сева протер грязные руки замызганным полотенцем и снова посмотрел на небо.

– Придется заночевать в тайге, – сказал он решительно. – Здесь неподалеку заимка охотничья. До нее чуть больше километра. В избушке и печурка есть, и запас дровишек какой-никакой. Обсохнем и согреемся, если какой-нибудь чудило дрова не сжег.

– В лесу без дров не останемся, – бодро заявил Замятин и направился к багажнику.

– То и говорю: худо-бедно переночуем, а завтра как бог подаст! – изрек Сева и открыл дверцу машины: – Выбирайся, подруга, пока нас не прихватило!

Он подал мне руку и дернул на себя, не слишком сильно, но я птичкой перелетела на относительно сухое место. Каблуки увязли в сырой почве. Я представила, во что превратятся мои туфли после ходьбы по таежной тропе.

Видно, мужчины прочитали мои мысли по глазам, потому что переглянулись, а Замятин покачал головой:

– Вы ж через сотню метров без обуви останетесь.

– Что ж делать? – спросила я не слишком вежливо. – Развалятся туфли, пойду босиком!

– Это не выход! – Замятин покосился на Севу. – Сержанта мы разуть не сможем, он нам нужен живым и здоровым, а вот у меня в записке есть кроссовки и пара теплых носков. Мы вас переобуем, затащим потуже шнурки, авось доковыляете до заимки.

Он прошелся взглядом по моим ногам:

– Надеюсь, вы их не потеряете?

– Если я в них не утону, – огрызнулась я, потому что мне не нравилось, когда меня окидывают подобным взглядом. Словно прицениваются. Я понимала, кроссовки – лучший выход из положения. Но, если судить по ботинкам Замятина, они размеров этак на шесть больше той обуви, которую я обычно носила.

Замятин извлек из багажника свой рюкзак, следом – сумку и чехол с удочками. Сева вытащил два огромных пакета с провизией и бутылками.

– Как знал, закупился по самую макушку! – сказал он весело. – Жалко, что не дома ваш приезд отметим. Там и шашлычки замастырить можно, и ушицу по-сибирски. Но ведь не в последний раз посидим?

– Конечно, не в последний, – рассмеялся Замятин. – Погощу у тебя с месячишко, не внапряг?

Он снизу вверх посмотрел на Севу – в этот момент затягивал мне шнурки на кроссовках. Толстые шерстяные носки доходили мне до колен. Вид еще тот! Но кроссовки, бесспорно, удобнее в условиях бездорожья, чем туфли. Да и ногам теплее, а то я совсем продрогла в тонких колготках. Ветер насквозь продувал мою форменную тужурку, и я невольно поежилась.

Замятин вмиг накинул на меня офицерскую куртку. Он только на мгновение задержал руки у меня на груди, затягивая «молнию», но я заметила, как напрягся Сева. Взгляд его помрачнел, и он отвел его в сторону.

«А ты ревнивец, оказывается?» – подумала я. Хотя какое мне дело до его ревности?

Замятин закинул сумку на одно плечо, рюкзак – на другое, взял в руки чехол с удочками. Сева захлопнул дверцу машины и подхватил пакеты с продуктами.

– Давай помогу, – предложила я.

– Иди уже, – проворчал он, – а то как бы тебя нести не пришлось.

– Не беспокойся! Уж как-нибудь продержусь! – ответила я с вызовом.

Сева спорить не стал и двинулся к опушке, обогнув нас с Замятиным. Я молча протянула руку к чехлу с удочками. Замятин, также молча, улыбнулся и отдал его мне. И мы вслед за Севой вступили на едва заметную в траве тропинку.

Глава 5

Поначалу я пару раз запнулась и столько же поскользнулась, и всякий раз Замятин успевал подхватить меня под локоть. Но затем приноровилась к чужой обуви и двигалась уже без посторонней помощи. Сева шел первым, быстро, не оглядываясь. Тропа то уходила вниз, то круто взбегала вверх. Постоянно приходилось огибать лужи, россыпи камней, особенно трудно было сладить с корнями деревьев. Мои ноги путались в них и скользили. А еще мешал свежий валежник – результат недавней бури, промчавшейся над тайгой. В одном месте его набросало так густо, что Севе пришлось взяться за топор, чтобы расчистить дорогу. Все это замедляло движение. Путь, который мы могли пройти за полчаса, растянулся на час, а заимка все не показывалась и не показывалась.

Мне очень хотелось узнать у Севы, не ошибся ли он? Но помалкивала, понимая, что ему и так нелегко. Тяжелые пакеты оттягивали руки, к тому же ему приходилось орудовать топором, и я не хотела напрасно отвлекать его внимание. Вдобавок он то и дело останавливался, отчего я никак не могла поймать ритм ходьбы. Кроссовки плохо слушались, колени ныли от напряжения. В конце концов я запнулась за сучок, потеряла равновесие и едва не растянулась на тропе.

– Дайте руку, – сказал мне Замятин. – Только сначала надену рюкзак, а то все плечо оттянул.

Мы остановились. Пока он управлялся с рюкзаком, я перевела дух и огляделась. Глухая тайга расстилалась вокруг. Сама тропа больше напоминала зверину: я не заметила следов человека, кроме наших, естественно.

– Я готов, – сообщил Замятин.

Лицо его покраснело, на лбу выступили капельки пота. Нелегко дались Севиному командиру таежные километры, но он бодро улыбнулся и взял меня за руку. Его пальцы сжали мою ладонь, крепко, но не больно, опять же в отличие от Севы, который не прочь продемонстрировать дурную силушку. После его рукопожатий я долго трясу рукой и ругаюсь, а Сева хохочет, отчего я злюсь еще больше.

Тропа вильнула вправо, и Сева оглянулся.

– Уже близко! – крикнул он. – Дальше будет легче! – Взгляд его был не слишком любезным, отчего Замятин хмыкнул и отпустил мою руку.

– Давайте понесем вашу сумку за ручки, – предложила я, – а то она все время сползает у вас с плеча.

– Ну уж нет, – покачал головой Замятин. – Хватит с вас удочек!

– Что вы там застряли? – окликнул нас Сева.

Оказывается, за разговором мы не заметили, что снова замедлили шаг.

– Вон уже избушка видна! – снова прокричал Сева.

В этот миг блеснула молния, за ней другая, почти в то же мгновение оглушительно ударил гром.

– Быстрее! – истошно завопил Сева и со всех ног бросился по тропе.

Огромная туча закрыла небо над головой, как одеялом.

– Бежим! – Замятин снова взял меня за руку, но недостаточно крепко. Я сразу запнулась за камень и рухнула на тропу, пребольно ударив колени. Чехол с удочками отлетел в кусты, я попыталась подняться, поскользнулась снова и непременно свалилась бы в грязь, но Замятин в мгновение ока подхватил меня за талию и привел в вертикальное положение.

Я посмотрела на ноги. Колготкам – каюк! Огромные дыры красовались на коленях, а сквозь них проглядывали ссадины, которые кровоточили и болели.

– Боже! – Замятин присел на корточки. – Вас нужно срочно перевязать!

– Только не здесь! – я попробовала сделать шаг, другой. Жгло как огнем.

Я скривилась от боли. Замятин исподволь наблюдал за мной, а затем решительно сбросил сумку с плеча.

– Нет, так не пойдет! – сказал он весело и подхватил меня на руки.

– Что вы делаете? – завопила я. – Тут близко!

– Разговорчики в строю! – Замятин расплылся в улыбке.

Его лицо очутилось совсем близко. Тонкие лучики морщинок проявлялись всякий раз, когда он улыбался, а еще я заметила, что на висках у него пробивается седина.

– Обнимите меня за шею, – приказал он и отвел взгляд, видно, не понравилось, что я слишком пристально его рассматриваю.

Я покорно закинула руки ему на плечи. И тут хлынул дождь!

– Е-мое! – вскрикнул Замятин и припустил в сторону заимки.

«Ничего себе, – подумала я, – он еще и бежит с такой-то ношей!»

Из-за деревьев показался Сева. Он успел избавиться от пакетов и, натянув на голову джинсовую куртку, спешил нам навстречу. Струи дождя секли, как кнутом, а по лицу Замятина вода бежала ручьем. Я вмиг промокла до нитки. Меня трясло от холода, и я прижалась теснее к его груди.

– Сумку захвати! – крикнул он на бегу, слегка задыхаясь.

Сева, подобрав сумку, вскачь помчался за нами. Через минуту мы оказались рядом с избушкой.

– Что случилось? – догнал нас Сева.

– Вот, девушка поранилась! – Замятин осторожно поставил меня на крыльцо.

– У девушки имя есть, – буркнула я и, спохватившись, сменила тон: – Спасибо за помощь, а то ковыляла бы до вечера.

– Быстро в избушку! – приказал Замятин и смерил меня насмешливым взглядом: – Хороша Маша, да не наша!

Настроение у меня вмиг испортилось. Я эту присказку не раз слышала от Севы и особо не расстраивалась. А тут меня вдруг зацепило. Я даже стиснула зубы, чтобы не разразиться гневной тирадой в адрес Замятина. С чего вдруг, спрашивается? Какое мне до него дело? Как приехал, так и уедет! Вряд ли наши пути пересекутся в обозримом будущем. Так отчего злюсь? Отчего нервничаю?

Я взялась за ручку входной двери, но Сева перехватил ее.

– Постой, – сказал он, – я первым войду! Кто его знает, что там?

Пригнув голову под низкой притолокой, я шагнула следом. Мы миновали крошечные сени с небольшой поленицей дров и разошедшейся деревянной кадкой и перешагнули порог единственной комнатухи. Свет с трудом проникал в стекла единственного оконца, затянутого пылью и паутиной. Но вскоре глаза привыкли к сумраку, и я смогла кое-что рассмотреть. Моему взгляду открылось крохотное пространство, большую часть которого занимали деревянные нары с наброшенным поверх старым ватным одеялом. В правом углу виднелась печка-«буржуйка» с выведенной через окно трубой. А чуть дальше находился стол, сколоченный из грубых деревянных плах. Рядом на стене висел открытый шкафчик из трех полок. На них – стеклянные банки, жестяная коробка из-под чая, закопченный котелок и пара мисок с облупившейся эмалью. На столе – две алюминиевые кружки, помятые, с характерным налетом внутри. Обитатели избушки от души баловались чифирем. Впрочем, в тайге это порой единственный способ поддержать жизненный тонус.

Сева полез под нары и извлек оттуда допотопную керосиновую лампу «летучая мышь». Удивительно, но стекло у нее оказалось целым, хотя и закопченным. Сева снял стекло, потряс лампу и радостно воскликнул:

– Ого! И фитиль цель, и керосин не испарился!

Он поставил лампу на стол и взгромоздил на него пакеты. Я похромала к окну и села на один из трех чурбаков, заменявших здесь стулья.

– Давай разберусь с продуктами, – предложила я Севе, – а вы пока растопите печку и повесьте куртки сушиться. Вон веревка. – Я показала на бечеву, протянутую от окна до порога.

– Сначала за водой сбегаю. Тут родник в двух шагах.

Сева взял котелок и вышел наружу. Я принялась выкладывать из пакетов продукты, прикидывая, что из них можно приготовить. Сева расщедрился, как никогда: дорогая колбаса, копченая семга, балык осетра, банки, баночки, коробки... Три литровые бутылки водки, фрукты, конфеты... Рот у меня наполнился слюной. Оказывается, я жутко проголодалась.

Замятин возле печки отделял охотничьим ножом от полена щепу – готовил растопку. Дело у него спорилось, словно он всю жизнь только тем и занимался, что растапливал «буржуйки».

– С пистолетом никогда не расстаетесь? – спросил он, увидев, что я смотрю на него.

– Заметили? – усмехнулась я.

– Да нет, нащупал, – Замятин прищурился. – Оперативная кобура? При Севе не стал спрашивать. Вдруг ему не стоит знать?

– Ничего страшного! – отмахнулась я. – В тайге нельзя без оружия. Если...

Я не договорила. Скрипнула дверь, и на пороге появился Сева с полным котелком воды. Под его ногами сразу образовалась лужа.

– Ну и погодка! – сказал он, отдуваясь. – Надолго, видать, зарядило!

– Не боишься, что твою машину разденут? – спросил Замятин. Он поднялся с колен и посмотрел на Севу. – В смысле колес, зеркал и прочей требухи?

– Не разденут! – коротко ответил Сева и поставил котелок на печь, в которой стараниями его командира весело отплясывал огонь. – Мои номера по всей округе знают. Пусть только попробуют. Найду, голову оторву!

– В такой ливень на дорогу никто не сунется, – добавила я. – Поедут по окружной трассе. Дальше, зато безопаснее.

– Тогда какого лешего мы сюда сунулись, если есть объезд? – удивился Замятин и подошел к столу.

– Головой не подумали! Ночью проскочили, как на лыжах, вот и прокололись, – пояснил Сева, стаскивая с себя промокшую насквозь куртку.

Впрочем, футболка под ней была не суше. Он потянул ее через голову. Голос через мокрую ткань звучал глухо.

– Кто знал, что лесовозы сегодня пройдут? Обычно они в воскресенье отдыхают. Видать, пока лето, решили весь лес подчистую вывезти!

Он справился с футболкой и отправил ее вслед за курткой на веревку сушиться.

– С чего вас понесло в ночь? – продолжал допытываться Замятин.

Он взял в руки банки с икрой и маслинами, задумчиво повертел их в руках, хмыкнул и вернул на место.

– Двух хулиганов пришлось доставлять в милицию, – ответила я за Севу. – Вам повезло, что мы оказались в райцентре, а то бы пришлось добираться на автобусе.

– Так тут еще автобус ходит? – पुще прежнего удивился Замятин.

– Я же сказала! Круглым путем. Это на сотню километров дальше. Заходит в несколько деревень, к нам прибывает только вечером.

– Шутите? – рассмеялся Замятин. – Хотя как сказать. Может, и повезло. – И он опять смерил меня тем самым взглядом, который мне крайне не нравился.

– Олег Матвеевич, – подал голос Сева, – что так поздно позвонили? Я б заранее подготовился. И не на этой развалюхе встретил бы, а на джипе. Как белого человека.

– А сейчас вроде негра, что ли? – улыбнулся Замятин и кивнул на стол: – С выпивкой – явный перебор, а вот закуска – отменная.

– Хлеба жалко нет! – Сева огляделся по сторонам. – Посмотреть разве, может, сухари какие остались.

– Твои сухари давно уже мыши скушали, – сказала я. – Тут, похоже, с зимы живая душа не ночевала.

– Да нет, дольше, наверно, – отозвался Сева.

Пристав на цыпочки, он все же осмотрел полки, но, кроме сухого пучка каких-то травок, ничего не нашел.

– Как Зямка в тайге сгинул, так сюда никто не заглядывает, – сказал он, вытирая руки носовым платком. – Я ж говорю, гиблое место. Глухая Падь!

– Какой еще Зямка? – удивилась я. – Почему ничего не знаю?

– Так это еще до тебя было. То есть когда ты в городе училась, – пояснил Сева, как я заметила, с большой неохотой. – Татарин у нас появился неизвестно откуда, лет десять назад. Рыбачил, охотничал, из тайги не вылезал. Все его Зямкой звали. То ли имя у него такое было, то ли кличка. Эту избушку облюбовал и жил в ней, почитай, безвылазно. Она ничейная стояла с тех пор, как хозяин дед Фрол – он из староверов был – помер. Никто не хотел селиться. Говорят, по ночам здесь странные дела творятся. – Сева пожал плечами. – У нас ведь какой народ? До сих пор в лешего верят, в русалок. Зямка говорил, что нечисть его пуще креста боится, но и сам исчез, даже костей не нашли.

– Фу, страсти-мордасти! – сказала я насмешливо. – Не хватало нам! Ты веришь в эти сказки?

– Верю, не верю, какая разница? – уклончиво ответил Сева и отвел взгляд. – В тайге всякое случается.

– Будем надеяться, что твоей нечисти с нами не справиться, – сказал Замятин.

– Маша, может, подсуетишься? – Сева покосился на меня. – Колбасу нарежешь, сыр. Что-то живот подвело с голодухи. И выпить чутка не мешало бы.

– погоди, – остановил его Замятин. – Надо даму в божеский вид привести. Вода уже согрелась. – И кивнул на чурку. – Присаживайтесь, Маша. Будем залечивать ваши раны.

– Отвернитесь! – приказала я мужчинам, и они дружно повернулись ко мне спиной.

Избавиться от колготок – минутное дело, правда, они присохли к ссадинам, и хотя я осторожничала, мои раны снова закровили. Я скомкала колготки и бросила в печку. Попутно снова надела туфли и почувствовала себя уютнее и как-то спокойнее, что ли?

– Все, – сказала я с облегчением, – можете повернуться!

– Вы зря сняли носки, – строго заметил Замятин, – в них теплее, и можно обойтись без обуви.

Мне очень не понравились назидательные нотки в его голосе. Ну, чисто школьный педагог в разговоре с нерадивой ученицей. Тут я подумала, что именно в таком тоне сама разговариваю с Севой, и решила промолчать.

Замятин пододвинул чурку ближе к огню и хлопнул по ней ладонью.

– Приземляйтесь! – и, взяв с печки котелок с водой, опустился передо мной на колени.

Сева покосился на мои раны и подошел к столу.

– Займусь-ка я обедом, чтобы время не терять.

Замятин порылся в сумке, достал упаковку носовых платков и коробку с аптечкой. Затем осторожно коснулся влажным платком ссадины на колене.

– Ничего страшного, главное, кости цели.

– Спасибо, успокоили, – буркнула я, чтобы скрыть странное ощущение, которое я испытывала всякий раз, когда он прикасался ко мне.

Замятин смерил меня взглядом, но ничего не сказал в ответ. Он быстро и сноровисто промыл ссадины водой, затем достал тюбик с какой-то остро пахнущей мазью и обработал ранки. Я с трудом сдержалась, чтобы не зашипеть от боли.

– Ничего, – поднял голову Замятин, – жжение скоро пройдет, зато ранки затянутся быстрее.

И, правда, жжение тотчас прекратилось, а он с той же ловкостью забинтовал оба колена.

– Вот и все! До свадьбы точно заживет!

Наши взгляды встретились. Замятин смотрел на меня строго и вместе с тем удивленно. Я оцепенела. Казалось, незримая нить между нами натянулась и зазвенела от напряжения. Я испугалась, что она лопнет, и Сева услышит звон. Стало стыдно, словно меня поймали на чем-то нехорошем. Я отвела взгляд, приказав себе не поддаваться на дешевые провокации.

Глава 6

Я уснула, как убитая: сказалась бессонная ночь, да и выпить пришлось немного за приезд Севиного командира. Мужчины вполголоса вели беседы, за окном мерно шелестел дождь, но гроза прекратилась. В избушке было тепло, свет керосиновой лампы едва пробивал темноту. И даже жесткое ложе – я соорудила себе постель на нарах, отдав одеяло мужчинам, – не помешало мне сразу провалиться в сон.

Но среди ночи меня словно кто-то толкнул под ребра, и я мгновенно, будто по сигналу тревоги, открыла глаза.

Странный мерцающий свет заливал избушку. Мои попутчики мирно похрапывали на полу. В приоткрытой дверце печурки виднелись красные угли.

Я прислушалась, не понимая, что меня разбудило. Может, резкий звук? Птица прокричала или раскат грома? Но *что-то* встревожило меня даже сквозь сон. Тревога не проходила, хотя вокруг стояла тишина. Такая бывает только в тайге, и только после бури. И все же мне что-то мешало сосредоточиться – то ли необъяснимый шум в голове, то ли звон в ушах. Я потеряла виски, но шум не исчез. А я вдруг поняла, что он существует отдельно от меня и что источник находится за стенами нашего убежища. То ли Сева, то ли Замятин, я не разобрала, кто именно, что-то пробормотал во сне, перевернулся на бок, храп прекратился. Но странный звук не исчез, правда, и громче не стал. Мне все время приходилось напрягать слух, чтобы понять, в конце концов, откуда он раздавался.

Похоже, с востока. Он не походил на завывание ветра или крик ночной птицы. Для птицы он звучал слишком долго и непрерывно, ветер тоже налетает порывами, и стоны в дымоходе отличаются от заунывного и монотонного звука, который разбудил меня. Казалось, в глубине леса кто-то задел огромную струну... Нет, не струну, исправилась я. Вообще ни на что, прежде слышанное мною. Оттого, видно, я и встревожилась. Чтобы избавиться от тревог, требуется определить их причину. А для этого нужно выглянуть в окно или, на крайний случай, выйти из избушки. Честно сказать, я не испытывала страха. В чертовщину не верила и считала, что всем чудесам можно найти простое объяснение. Просто не всегда это хочется делать – вера в чудесное неразрывно связана с нашими надеждами.

На какой-то миг я отвлеклась, и звук, казалось, пропал. Я натянула на себя куртку, спустила ноги с нар. Кто-то из мужчин завозился на полу. Я пригляделась. Это был Сева. Он повернулся на спину, вздохнул, но не проснулся. В свете луны его лицо казалось бескровным. Черные пятна глазниц, провал рта... Я вдруг поняла, что Сева спит с открытым ртом. Лица Замятина я не видела: он лежал ко мне спиной. Тут странный звук снова вторгся в мое сознание, мне показалось, что он стал чуть громче. Я перевела взгляд на окно.

«Луна взошла», – подумала я, но тут же вспомнила, что сегодня новолуние, а в наших широтах луна даже в полнолуние не дает такого яркого света.

Странно, откуда тогда свечение? Чтобы пробраться к окну, мне требовалось перелезть через спящих мужчин. Я решила их не беспокоить – пройти к выходу оказалось легче. Мужчины предусмотрительно устроились так, чтобы не загроживать проход. В голове промелькнула мысль, что не следует выходить в одиночку. Кто его знает, что там может поджидать. Совсем некстати вспомнились слова Севы о нечисти. Я усмехнулась. Как живучи в нас древние страхи! И все-таки, накинув на себя куртку, я не забыла прихватить пистолет. Нечисть там, нечисть, но надо быть готовой ко всему.

У порога стояли Севины кроссовки. Он успел их просушить, и я натянула их на ноги, благо была в носках Замятина – он все-таки настоял, чтобы я спала в них.

Осторожно ступая, я миновала сени и вышла на крыльцо. На улице прохладно, и я сразу озябла. Небо закрыли тучи, но светло, как в полдень. Только свет другой, с желтовато-свин-

цовым оттенком. Над землей клубился туман, и это тоже показалось странным: после дождя туманов не бывает.

Я постояла некоторое время на крыльце, вглядываясь в темную стену леса, который начинался метрах в десяти от крыльца. Звук раздавался оттуда. Теперь он звучал иначе, я не могу объяснить, как именно, но словно звал меня, притягивал, и я поняла, что не избавлюсь от чувства тревоги, пока не узнаю причину. Причем это чувство усилилось. Душа моя металась, рвалась, меня даже потряхивало от волнения. Эти необычные, стонущие звуки словно заворожили меня. Я признавала: происходит что-то неладное, мне даже пришла в голову мысль разбудить мужчин, но ноги сами несли к лесу, к источнику звука, который с протяжного стоны перешел вдруг на свист – тихий, без всяких переливов.

Сердце у меня сжалось, как от предчувствия горькой утраты. Я уже ни о чем не думала, все мысли подчинялись единственной цели – быстрее добраться до места, откуда исходил звук. Мокрая трава хлестала по ногам. Туман клубился на уровне плеч. Я не бежала, а, казалось, плыла по молочному морю, разрезая грудью, будто форштевнем, белесые валы. Странное дело, но я ни разу не запнулась, не подвернула ногу, хотя камней, сучьев и гнилых пней в тайге хоть отбавляй.

Мрачные ели отводили от меня свои лапы. Я благополучно миновала россыпь камней, чуть не потеряв кроссовки, потому что забыла завязать шнурки. Но и это меня не остановило. Звук усилился, я побежала. Мне показалось, что он вот-вот прекратится, и тогда я умру от горя...

Я неслась по лесу как оглашенная. Пот струился по лицу, я давно забыла об ознобе. Стало жарко. Очень жарко! Я даже сбросила с себя куртку, а затем расстегнула блузку – так легче дышать.

Тайга закончилась. Ноги вынесли меня то ли на берег озера, то ли к болоту. Под ногами зачавкала грязь, а сквозь туман проступили метелки камыша. Но я не помнила здесь никакого озера, никакого болота... Правда, это не мой участок... Я удивилась тому, что могу рассуждать здраво. И вдруг поняла, что звук исчез. А вместе с ним свет, туман и... очарование...

Меня трясло то ли от холода, то ли от возбуждения. Оказывается, я не заметила, как избавилась от блузки. Я обхватила себя руками, пытаюсь понять, что происходит. С чего вдруг я рванула в тайгу? Почему вдруг разделась?

Непроглядная тьма окружала меня. Позади глухо шумели деревья, а впереди тускло поблескивала вода и виднелись редкие чахлые деревца. Странные всполохи огня на горизонте насторожили меня. Где-то я видела подобное. То ли отблески далеких молний, то ли артиллерийский обстрел... Сравнение с артиллерийским обстрелом и вовсе меня доконало. Какой обстрел? Какая артиллерия?

«Маша, уйми фантазии!» – приказала я мысленно и бросила быстрый взгляд по сторонам.

Среди кустов тоже мигали огоньки. Казалось, кто-то разложил на воде гигантскую елочную гирлянду. Они вспыхивали, мерцали, гасли и тут же вновь загорались. Бледные, с синеватым оттенком. Так светятся гнилушки в лесу. Я сделала шаг-другой и поняла вдруг, где нахожусь. Это ж Поганкина Марь, болото, куда и днем не всякий сунется.

Я помотала головой, пытаюсь избавиться от наваждения. Эвон куда меня занесло! Зачем? До избышки отсюда километров десять. Как мне удалось пробежать такое расстояние и так быстро? Усталости я не чувствовала. Как теперь выбираться? Если я не переломаю ноги в темноте, не раздеру тело ветками, то меня непременно сожрет мошка. Тучи ее вились над головой, облепили спину, лицо, руки... Я сорвала ветку с чахлого куста, пыталась отмахиваться от гнуса, но это было так же бесполезно, как определить в полной темноте нужное направление.

И тогда я вспомнила строчки из криминальных сводок. В этих местах не раз исчезали люди. Позже находили их обглоданные зверьем останки. Отчего они погибали, так и не удалось выяснить, главное, что все они тоже были без одежды. В прошлом году как в воду канула

Мария Федоровна, учительница районной школы: утром не пришла на занятия, дома ее тоже потеряли. Только через неделю случайно обнаружили грибки. С какой стати пожилая женщина отправилась ночью в лес, так и не выяснили. Теперь я понимаю, что ее привело к болоту. Где-то здесь она свернула с тропки, села в мох и умерла. Никто ее не убивал, не грабил. На шее остались золотая цепочка, а на пальце – кольцо. Только вот одежда и обувь исчезли. Несколько ручьев она перешла вброд босиком. Уважаемая всеми учительница, лет шестьдесят ей было...

Я поняла, что пропала. Боже, неужели я тоже попаду в криминальную сводку? Странное дело – совсем не страшно. Зато стыдно-то как! Что мне стоило разбудить мужчин? Нет, помчалась очертя голову... Тут я вспомнила о пистолете... Кажется, я его посеяла... Вот тогда стало страшно по-настоящему. Потеря табельного оружия сулила такие неприятности, что даже перспектива быть сожранной заживо мелким гнусом казалась на этом фоне более предпочтительной.

Но прежде чем держать ответ перед строгим начальством, требовалось дожить до утра. И в первую очередь как-то сориентироваться на местности. Я бросила взгляд по сторонам. Увы, положение не завидное. Со всех сторон меня окружала трясина. Убей бог, я не помнила, как преодолела топи, по которым даже зимой нельзя ходить без опаски.

Призрачные огни, то приближаясь, то удаляясь, двоились, троились в глазах, перемигивались, дрожали, на какой-то миг взмывали вверх, таяли, растворялись в темноте, а через мгновение вспыхивали вновь, уже ближе, и, главное, не отражались в воде! «Что за чертовщина!» – выругалась я и бросила ветку в огонек, который нахально отсвечивал в паре метров от меня. Я не промахнулась, и всплеск воды услышала отчетливо, но огонек не исчез, он словно отскочил в сторону, переместившись еще ближе. Тогда я поняла, что огни берут меня в кольцо.

Кричать? Звать на помощь? Но зачем рвать глотку, если меня никто не услышит? Я затравленно огляделась. А что, если сотворить молитву? Я не смогла поднести пальцы ко лбу: руку словно накачали свинцом. Озноб пробрал до костей. Я прекрасно знала, что огни эти возникают в местах выхода болотных газов. Но они двигались, как живые, и любой на моем месте почувствовал бы себя неуютно. Впрочем, мягко сказано – неуютно!

Я обхватила себя руками, тщетно стараясь согреться. Что могут сделать эти огни, призрачные и холодные? Хуже, если окочурюсь от холода!

Снова подул ветер. Он налетал порывами, но зато разогнал мошкарку и рассеял огни по болоту. И они вновь повели себя как живые. Стали сбиваться в кучки, образуя подобия клумб, но теперь их пробивали зеленые и даже красные сполохи. Огонь одной из «клумб», самой большой по размерам, внезапно взметнулся вверх, мне показалось, до небес. И я услышала глухой рокот, словно ударили в большой барабан. Звук растекался над болотом, эхо пробурчало за моей спиной, последовал новый удар, за ним еще и еще... Ритм то убыстрялся, то становился медленнее, и тогда барабан звучал тише. Звуки, казалось, шли из-под земли. Я зажала уши ладонями, но звуки от этого не стали глуше. Они будто переместились в мою черепную коробку. Чем сильнее звучал этот бубен – а я не сомневалась, что бьют в шаманский бубен, – тем мощнее они отдавались в висках. Голову просто разрывало от боли. Я прикрыла глаза. Меня тошнило, меня почти выворачивало наружу.

Удары бубна не прекращались. Сквозь полуопущенные веки я видела какие-то тени. Они металась возле костра. Именно костра – я даже заметила дымок, кутившийся над той самой «клумбой», которая уже достигла гигантских размеров, окрасив небо заревом. Не будь я в курсе, я бы подумала, что где-то в тайге полыхает пожар.

«Шаманы камлают», – подумала я отрешенно. Боль слегка отступила, и мной овладела апатия. Шаманы, костры, бубны... Откуда они взялись? Что делают на болоте? Меня это не волновало, как не волновала собственная судьба. Лишь бы только голова не болела да тошнота прошла!

Мне было плохо, очень плохо, но даже мысли не возникло, чтобы позвать на помощь. Ведь шаманы тоже люди, наверняка вытащили бы меня из болота. Впрочем, судя по ритму, они вне себя и вряд ли различают земные звуки. С другой стороны, все это слишком смахивало на галлюцинации, и если я могла рассуждать об этом, значит, не совсем свихнулась.

За моей спиной раздался чавкающий звук, словно кто-то приближался ко мне с тыла. Я быстро оглянулась... На меня надвигалось нечто черное, бесформенное, огромное на фоне слегка засветлевшего неба. Я похолодела от ужаса. Вот она, смерть. И от этого уже не отбиться, не убежать, не спрятаться! Я снова попробовала перекреститься, но, как и в первый раз, неудачно. Губы тоже не слушались меня, я с трудом выдавила из себя: «Отче наш!» – но не узнала своего голоса, таким он был слабым и дрожащим.

Чудище неумолимо приближалось. На миг оно распалось надвое: одна часть побольше и повыше, а вторая напомнила человека в длинном плаще с капюшоном. Первая смахивала на лошадь, но кто видел лошадь за два метра с лишком в холке и с горевшими, как печные угольки, глазами?

– Эй! – выдавила я из себя. – Слышишь? Проваливай! Кому говорю!

Неизвестный объект продолжал двигаться в прежнем направлении. Я уже слышала тяжелое дыхание и даже почувствовала, не поверите, запах табака. Это меня немного успокоило. Разве болотная нечисть употребляет табак? Кажется, она вообще его боится, как чеснока, можжевельника, богородской травы... Я удивилась своим познаниям. А еще вспомнила что-то про осиновый кол и серебряную пулю... Правда, в моем арсенале ничего из этих средств не имелось, и все же запах табака и добавившийся к нему и вовсе замечательный аромат конского пота воодушевили меня несказанно.

– Эй! – закричала я снова. – Кто вы? Помогите! Я не могу выбраться!

Вдруг что-то будто взорвалось в голове. Дикая боль пронзила виски. Я закричала, упала на колени прямо в холодную липкую жижу. Неистовый рокот бубна, дикий и яростный визг, пронзительный свист – все слилось в сумасшедшую какофонию звуков, заполнивших мозг. Спазм сдавил горло, я задыхалась...

– Твою мать! – прохрипела я, пытаюсь подняться на ноги. И с ужасом обнаружила, что подо мной нет дна, и я погружаюсь все глубже и глубже!

– Мама! – мне показалось, что я закричала во все горло, но оцепеневшие губы издали лишь жалкое мычание. – Помогите! – простонала я через силу.

Последнее, что я увидела, были взметнувшиеся над моей головой копыта лошади. Они отсвечивали холодным светом, флюоресцировали, как грибы-поганки или те же гнилушки...

«Как жалко!» – подумала я и с головой ушла в погань, которую и водой сложно назвать. Вонючая, мерзкая...

Глава 7

– Маша! Маша! – ворвался в сознание чей-то голос.

Я с трудом разлепила веки. Словно сквозь туман проступили три бледных пятна. Я с трудом сфокусировала взгляд, и пятна превратились в лица людей, смотревших на меня с тревогой в глазах.

Сева... Замятин... А это кто? Неужто Шихан? Откуда он взялся? Я поняла вдруг, что не лежу, а сижу на нарах, закутанная в то самое одеяло, которое мужчины подстелили себе на полу. Как я здесь оказалась? Как выбралась из болота? Ведь я отчетливо помнила и смрадный дух, который издавала трясина, и ужас, испытанный в тот момент, когда погрузилась в нее с головой. Я подняла руку и ощупала волосы. Слегка влажные, но грязи нет и в помине, руки тоже выглядят чистыми... Неужто меня искупали? Но почему я этого не помню?

– Маша! Очнулась! – обрадовался Сева.

Он сел рядом со мной на нары, взял за руки и заглянул в глаза:

– Что случилось? Как ты оказалась в лесу? Почему нас не разбудила?

Нужно было что-то ответить, но во рту у меня пересохло, язык налился свинцом. Я с трудом выдавила:

– Воды... Дайте воды...

Замятин метнулся в глубь избушки и вернулся с кружкой воды. Я выхватила ее из его рук и принялась жадно пить. Вода была ледяной, у меня заломило зубы, но я выпила все, до последней капли. И попросила:

– Еще!

Замятин вновь принес мне воды. С этой кружкой я тоже управилась, но уже с меньшей жадностью. Стало легче дышать. Тугой обруч, сдавивший виски, разжался, теперь я могла без усилия сосредоточить взгляд. Сухость во рту тоже прошла. Правда, меня слегка потряхивало, вероятно, оттого, что я выпила холодной воды. Но тут я заметила свою блузку, грязную, изодранную в клочья, мокрую настолько, что с нее все еще продолжала сочиться вода. Она лежала на чурке рядом с нарами, поверх какой-то тряпки, тоже мокрой и такой грязной, что я с трудом опознала свою куртку.

– Ну, что? Пришли в себя? – Замятин пристроился на нары по другую сторону, а молчавший до сих пор третий человек примостился на свободную чурку.

– Кажется, пришла, – с трудом произнесла я. – Что произошло? Почему моя одежда в таком состоянии?

Мне почему-то не хотелось первой рассказывать о своих приключениях. Знала по опыту: сначала нужно выслушать очевидцев.

– Так ты ничего не помнишь? – поразился Сева. – И как ночью в тайгу ушла тоже? Этого не может быть! Или ты лунатик? Без памяти ночью бродишь?

– Брось, Сева! – остановил его Замятин и строго посмотрел на меня. – Мария Владимировна, все серьезнее, чем вы думаете. Скажите, вы действительно ничего не помните?

– Да так, кое-что помню, но смутно и нечетко, как во сне, – ответила я и перевела взгляд на... Шихана, того третьего мужчину. – Дед Игнат, ты-то здесь как оказался?

Дед запустил пятерню в седые лохмы на затылке и озадаченно крякнул:

– Так это ж я тебя в лесу подобрал! Запоматовала, что ли? Гнедко мой с ноги сбился, заржал и пятиться начал. Что за чума, думаю. С коня соскочил, смотрю, человек в кустах лежит. Сначала я тебя не признал. По обличью вижу, баба или девка. Скрючилась, колени под себя поджала. А спина голая... Я к тебе, тык-мык... Гляжу, ни тяти, ни мамы! Что за черт! Бомжиха, что ли, пьяная? Откуда взялась? Тут смекнул про избушку. Наверно, думаю, бомжи ее присмотрели... А потом взгляделся, мать божья, это ж наша Марья! Я тебя на руки – и к

избушке. Парни со сна ничего не поняли, кое-как им растолковал, что к чему. А ты вроде не в себе, а на ноги встала, и сразу на нары, вон его, – кивнул он на Замятина, – куртку на себя натянула, глаза дикие, и зубами – клац, клац! И немудрено, окоченела совсем! Дождь-то как из ведра полоскал. Только сейчас чуть-чуть распогодилось!

– Дождь? – поразились я. – А разве ночью дождь не закончился?

– И все-таки ты что-то помнишь, – с обидой в голосе произнес Сева и отодвинулся от меня. – Просто из упрямства не хочешь говорить.

– Постой, Сева, – Замятин посмотрел на него и покачал головой. – Дай Маше прийти в себя. Надо ее чаем горячим напоить. Ты печку растопи, а мы тут прикинем, во что ее переодеть. – И обратился уже ко мне: – Как вы себя чувствуете? Не знобит?

– Нет, – ответила я. – Голова побаливает, но жить можно.

Сева хмыкнул, направился к печке и принялся возиться с растопкой, то и дело бросая на меня огорченные взгляды. Видно было, что он неподдельно переживал. Я была уверена – мой рассказ еще больше укрепит его позицию, что милицмейская служба не для женщин. И все мои бредни – он так и скажет: «Бредни!» – непременно от переутомления. Замятин, ясно-понятно, тоже от меня не отстанет. У него на физиономии читалось, что он приготовился задать мне кое-какие вопросы. Только перед ним я и вовсе не намерена была отчитываться. Поэтому переключила внимание на Шихана.

– Игнат Прохорович, а ты что в тайге искал в проливной дождь?

– Так ты не в курсе? – поразился дед. – Тут такие дела творятся. По всей округе охотников подняли... Позавчера близ болот важный мужик потерялся... Вся милиция на ушах стоит. Гэбисты из области нагрянули...

Тут я все поняла. Вот куда спешил Борис, вот почему его опера неслись как очумелые! А меня стопроцентно ожидает выволочка от начальства. Потому что меня не было на месте, когда объявили тревогу. Теперь попробуй объясни, что все случилось против моей воли.

– Нашли его? – уточнила я. Честно сказать, когда дед упомянул болото, мне стало не по себе.

– Нашли, – вздохнул Шихан, – разве я б шатался по тайге в такую лихомань. Ну, вроде распогодилось, слава те господи! – и он размашисто перекрестился.

– Игнат Прохорович, – поразился Замятин, – так ты из староверов, что ли? Двумя перстами крестишься...

– Дак что ж, – хихикнул Шихан, – у нас тут по старинке. Не возбраняется вроде?

– Дед, – сказала я строго, – не отвлекайся. Выкладывай по порядку!

– Так я и выкладываю, – вздохнул Шихан. – Темное дело, вовсе непонятное. Приехали, значитца, мужики на Оленью речку, на турбазу, стало быть, рыбку половить, в баньке попариться. Говорят, в пятницу с утра заявили. Шишки городские, не чета нам. Вечером возле костра собрались. Песни под гитару пели, водочки под шашлыки, как полагается, выпили. А тот, что пропал, с видеокамерой по лесу бродил, только к ужину не вернулся. Там поблизости еще одна база имеется, вот мужики и подумали, что он бабенку какую приглядел, с ней на ночь и остался. Вроде он что-то такое говорил. Мужик солидный, при деньгах, тайгу как свои пять пальцев знает. Никто особо не беспокоился. А вот когда он на следующий день не вернулся, тревогу забили. Бросились на ту турбазу, а там его и в глаза не видели. Давай искать, нигде его нет. В воскресенье утром по спутниковому телефону позвонили в райцентр, в милицию. Объявили тревогу по всему району. Собрали чуть ли не сотню человек. Часов десять мы тайгу прочесывали. До самой Макаровки дошли. Деревню энту лет двадцать назад, а то и больше как забросили. Все поля ерником заросли. А нашли пропавшего в верстах трех от того места, где его приятели костер жгли. В ложине. Ему б на горюшку подняться, пламя запросто углядел бы...

Дед закашлял и вытащил кисет. Затем занялся самокруткой. Пальцы его подрагивали, и он все время просыпал табак.

– Так его живого нашли? – не выдержала я. – Чего молчишь, резину тянешь?

– Кабы живого... – вздохнул дед и затянулся самокруткой. Густой запах самосада растекался по избе. Шихан замахал рукой, чтобы разогнать дым. Взгляд его ушел в сторону, и старик с досадой произнес: – Помер он! А отчего, непонятно! Может, сердце прихватило? Но зачем было догола раздеваться? Штаны, рубашку, ботинки снял, даже от трусов и майки избавился. На пенек все сложил, а сверху видеокамеру поставил. Словно в спальне своей. Доктор, что с нами был, говорит: нетипичная картина, мол, при сердечном приступе. Если прихватит сердчишко, тут уж не до раздевания...

– М-да, – Замятин покачал головой, – непонятные дела тут у вас творятся.

– А я что говорю! – подал голос Сева. Он в это время снимал с плиты котелок. – Чертовщина, она и есть чертовщина! Кабы это один случай был, а то за год два-три человека на болотах пропадают. Кого-то находят, а кого-то и нет.

– И что ж, они тоже раздевались, – быстро спросил Замятин, – те, которых находили?

– Бывало, что и раздевались, – Шихан снова полез пятерней в давно не стриженный затылок. – Сколько раз говорено: нече шлындать в Поганкину Марь, нет, лезут, как мухи на мед. Что ищут, неведомо. А места там и прям гнилые, заговоренные. Одно слово – ляжина¹. Токо люд сейчас такой пошел, ни в бога, ни в черта не веруют, вот и пропадают почем зря! Да и деревня та, Макаровка, значитца, думашь, от плохой жизни захирела? Куда там! Извели ее, как пить дать, извели...

– Извели? – лицо Замятина вытянулось. – Кто извел? Власти?

Дед дробно захихикал.

– Кабы власти, – дед вытер заслезившиеся глаза носовым платком, затем шумно высморкался. – Совхоз там был передовой, на всю область гремел, а вот... – Он снова поднес платок к глазам.

Мы терпеливо ждали продолжения рассказа, а дед, словно нарочно, долго протирает глаза, что-то бурчал и, кажется, уже забыл, о чем рассказывал.

– Не томи, Игнат! – потребовал Сева, подавая мне кружку с чаем.

Я сделала глоток-другой и почувствовала, как кровь быстрее побежала по жилам. Меня перестало тошнить, и я попросила вслед за Севой:

– Дед Игнат, не молчи! Видишь, как у Севы глаза загорелись!

– Да что там рассказывать! – Шихан махнул рукой. – Говорят, в тех местах клад объявился. Заповеданный, проклятый, значитца. Его и раньше искали, токо в другом месте. А он, вишь, в Макаровке показался.

– Клад? – насторожился Замятин. – Очередная легенда? Или вправду что-то есть?

– Да кто ж его знает? – удивился Шихан. – У нас в Сибири завсегда хорошо жили. И в тридцатых, когда раскулачивание пошло, тоже кое-что попрятали. Не все за своим добром вернулись. Только эти захоронки пустяки с тем, что в Макаровке объявился. Сказывали: земля там по весне сама по себе обвалилась. А в провале – каменные плиты. Стены ими выложены. Колхозники их растащили, кто на сарай, кто на печку, а на одной вроде как запись нашли. Сейчас много чего говорят, только не дается клад. Видно, зарок наложен, да и в Макаровке после того, почитай, полсела вымерло за полгода или чуть больше. Не приведи господь чужие богатства искать!

Дед, в который раз за утро, перекрестился.

– Так, может, эпидемия какая? – опять вмешался Сева. – Стечение обстоятельств?

---

¹ Трясина (диалект.). – Прим. автора.

– «Обстоятельств»! – передразнил его Шихан. – Фома ты неверующий! Да и недавно это было совсем. Где-то в восьмидесятых, а то в конце семидесятых. Лет тридцать всего и прошло. Ученые тогда в Макаровку приезжали, говорят, золотого идола в провале раскопали. Сразу милиционеров туча наехала, караулы кругом выставили. Значитца, было чё охранять? Только дня через два ученые эти через Кайсым на лодке переправлялись, а мотор возьми и заглохни. И снесло их со всей поклажей прямо в порог, даже костей не нашли. А ты говоришь: эпидемия!

– Так нашли клад или нет? – спросил Замятин.

Дед удрученно вздохнул:

– Темное это дело, столько лет прошло! И каких лет! Все с ног на голову встало. Перестройка, чтоб ее, реформы всякие... Не до идолов. Выживали, как могли. Одно скажу, после тех раскопок стали люди на болотах пропадать. Потом вроде стихло. А сейчас, стало быть, снова пошло-поехало. Видать, растревожил кто!

– Интересные дела у вас творятся, – покачал головой Замятин.

– Какие дела? Сказки все это! – засмеялся Сева. – Тем, кто первача хлебнул, спьяну что только не мерещится!

– Ты это брось! – Шихан, похоже, обиделся. – Вам, молодым, лишь бы зубы скалить. А старики, они, того, многое знали. Только не все сказывали.

Шихан снова взялся за самокрутку. Мужчины терпеливо ждали. Я тоже. Услышь я этот рассказ раньше, нашлась бы, что ответить деду. Откуда Севе и Замятину знать, что Игнат большой мастак морочить головы. Но после ночных страхов у меня просто не осталось сил, чтобы спорить. Я выпила чай и теперь боролась со сном. Мне хотелось уткнуться головой в подушку.

Первым не выдержал Сева.

– Ну, дед, – произнес он нетерпеливо. – Давай дальше!

Шихан хмыкнул в усы:

– Ишь, торопкий какой! Про клады оно завсегда так! Токо начни слушать! Смотри, Севка! Погонишься, так без портков останешься! В народе не зря говорят, что клады просто так в руки не даются. То в черепки превращаются, то в навоз. Смеется над человеком нечистая сила...

– Дед, – недовольно скривился Сева, – ты вроде газеты читаешь и телевизор смотришь, а рассуждаешь, как тюлька².

– Эх, Севка, Севка, – покачал головой Шихан, – от уж гунда, как муха осенняя. И чё гундишь, из себя выводил?

– Сева, помолчи, а? – подал голос Замятин. – Мне, допустим, интересно! – И похлопал Шихана по плечу: – Сказывай, Игнат Прохорович, не сердись!

– А что тут сердиться? – пожал тот плечами. – Сами разговор затеяли. Раньше много про чудеса гуторили, и не только гуторили, но и взаправду кое-что видали. И дымы всякие, и огни, и петухов красных. Коль на болоте огни увидишь, значитца, клад объявился, на просушку вылез.

– Да нет у нас кладов, – не сдавался Сева. – К нам в школу тоже ученые приезжали, лет двадцать назад. Они прям так и сказали: «Нет у вас кладов, враки все! Древние могилы еще в восемнадцатом веке разграбили, а то, что в Макаровке клад нашли, так и вовсе легенда!»

– Ну, легенда не легенда, тебе, наверно, лучше знать, – нахмурился Шихан. – Только не дай господь ночью на болотах оказаться...

– И что? – насторожился Сева. – Ты, что ли, там бывал? Что-то видел?

– А это не твою ума дела, – Шихан сердито сверкнул глазами. – Одно скажу, не хочешь голову покласть, не суйся в Поганкину Марь...

Мой сон как ветром сдуло. Поганкина Марь! Еще в детстве бабушка строго-настрого мне приказала, чтобы я эти болота за версту обходила. А сколько соблазнов было! Говорили, что

---

² Неученый, мало видевший человек (диалект.). – Прим. автора.

клюква там родится крупная, как виноград, вроде оттого, что быют из глубин целебные ключи. Только до этих ключей на моей памяти так никто и не добрался. Не пропускала трясина даже зимой, пугала местный люд смертельными ловушками. К счастью, мой участок располагался в стороне. Но почему ж мне привиделась Поганкина Марь? И привиделась ли? Отчетливо припомнились мне события прошлой ночи. И запахи, и звуки, и, разумеется, страхи... Нет, это не могло просто так почудиться! И Шихан... Может, он по какой-то причине скрывает, что нашел меня на болоте? Но в то же время как я могла пробежать больше десятка километров, не заметив? А огни, которые сжимали меня в кольцо? А бубны и пляски шамана возле костра? И это тоже всего лишь больное воображение? Но я никогда не страдала галлюцинациями, не видела вещих снов.

– Не суйся? – громко захохотав, Сева прервал мои мысли. – Кажется, что-то наклеивается. «Там чудеса, там леший бродит, русалка на ветвях сидит...»

Мне очень не понравился тон, с которым он произнес последние фразы. Сегодня он точно с цепи сорвался. Но я не одернула Севу. Опять меня что-то остановило. Скорее всего, удивление. Я вдруг поняла, что дед нервничает. Обыкновенно из него при чужих людях слова не вытянешь. А тут вдруг понесло на откровения. Сколько себя помню, ничего подобного не замечала. И перед кем, спрашивается, разоткровенничался? Перед Замятиным, которого он видит впервые... Не знай я, что дед и капли спиртного в рот не берет, приняла бы за пьяного. А Сева? Сева-то с чего разошелся? Дались ему эти клады! Я в жизни не встречала человека, который смог бы похвастаться, что нашел хоть бы одну монетку, спрятанную кем-то про запас. Поэтому ни с того ни с сего затеянный Шиханом разговор насторожил меня.

Конечно, странные смерти на болотах всегда вызывали пересуды и плодили слухи. Но чтобы это было связано с древними кладами? Такую версию я услышала впервые. Определенно дед пудрил нам мозги. Но не для того же, чтобы просто смеяться? Конечно, он слыл вредным и своенравным стариком, но только не насмешником. Сева явно почувствовал неладное, поэтому и язвил без меры.

– Ты еще про радугу расскажи, на конце которой – котелок с золотом... – в его голосе ясно прозвучала издевка.

– А ты, мил человек, не ехидничай, – оборвал Севу Шихан. – Поживешь с мое – и с русалкой повидаться, и леший по тайге поводит. Я тебе больше скажу: старших почитай, а то беды не оберешься. Знаешь присказку: «О кладах слухать ладно, а найдешь – накладно»?

– Сколько вы знаете! – покачал головой Замятин. – А сами копать не пробовали?

– Стар я для этого, – дед поднялся на ноги. – Заговорился тут с вами. Поспешать треба. Марья, – посмотрел он на меня. – Хошь, тебя захвачу? Эти молодцы когда еще машину вытащат! А тебя уже спрашивали. Начальник твой из райотдела. И Мордахин интересовался.

– Ну, дед, ты даешь! – Я мигом забыла о сне и усталости, а также о своих подозрениях. Час от часу не легче: начальство меня обыскалось, а старый как ни в чем не бывало баланду травит. Но это я решила высказать деду без свидетелей и ограничилась вопросом: – И как мы на одной лошади выбираться будем?

– Пошто на одной? – удивился Шихан. – Я на всякий случай вторую прихватил. Как знал, что пригодится.

– Моего Воронка? – удивилась я.

– У твоего Воронка бабка распухла, – проворчал дед. – Гоняшь по тайге – под ноги не глядишь. Видно, поранился где. Я ему мази приложил, чтоб опухоль спала.

– Я б заметила, если б поранился, – обиделась я. – Ничего у него не было, когда к тебе в стойло ставила.

– Так у тебя мозги в одном направлении работают, – усмехнулся Шихан. – Где тут у лошади царяпину заметить. Себя не видишь!

Я вспыхнула, открыла рот, чтобы осадить старика, но тут в нашу перепалку вмешался Замятин.

– Не ссорьтесь, – он смерил меня строгим взглядом и повернулся к Шихану. – Игнат Прохорович, надо подумать, во что Маше переодеться.

– Дак придумай, – дед смерил его насмешливым взглядом. – Не голяком же ей сквозь тайгу ехать. – И вышел из избушки.

Глава 8

Обычно слово «клад» вызывает в воображении таинственные пещеры, кованные сундуки, старинные монеты, сверкающие драгоценности в золотых сосудах, вспоминаются волшебные цветы папоротника и страшные лесные разбойники. Тема скрытых сокровищ – одна из тех вечных тем, что волнуют человечество, и не просто волнуют, а частенько сводят с ума. Вон как загорелись глаза у Замятина, а вроде взрослый, солидный человек. И Сева, у которого по жизни все разложено по полочкам. А как возбудился! Как спорил с Шиханом, точно поставил себе цель: непременно нас разубедить, не дать поверить в стариковские басни.

Дед ехал впереди. Стоило нам покинуть избушку, разговорчивость его вмиг улетучилась. А меня так и подмывало расспросить его о некоторых странных событиях, свидетелем которых он оказался. Но для этого, по меньшей мере, требовалось ехать рядом, но было узко, на одну лошадь. Едва заметная среди камней и травы тропа вилась сначала по тайге среди гигантских деревьев и непролазного бурелома, затем вывела на дно ущелья.

Копыта лошадей скользили на камнях, на спусках они приседали на задние ноги, поэтому иногда приходилось покидать седло и вести животных в поводу.

Как только выдавался более-менее спокойный участок пути, я мысленно возвращалась к ночным событиям, стараясь понять, насколько они реальны. Почему-то не верилось ни в лунатизм, ни в прочие особенности моей психики, которые могли вызвать столь яркие видения. Я уже не сомневалась, что побывала на болоте. Изодранная в клочья юбка и грязная рубаша – лишь косвенные доказательства. Больше всего меня занимали кроссовки. К тому моменту, когда я пришла в себя, они уже были отмыты. Допустим, хозяин позаботился о своей обуви. Не это меня насторожило. В сенках, у самого порога, я заметила лист рогоза – болотного растения. Он был мокрым и весь в грязи, такое впечатление, что кто-то принес его на подошве. Судя по отпечатку – Шихан. Но если дед утверждает, что нашел меня недалеко от избушки, то откуда взялся рогоз в тайге? Выходит, Шихан побывал на болоте? И незадолго до того, как обнаружил меня? Правда, если он на самом деле нашел меня возле избушки...

Я незаметно подняла этот листик, надеясь, что он послужит вещественным доказательством того, что дед намеренно пытался ввести меня и мужчин в заблуждение. Если б знать, чем все закончится, я, скорее всего, сделала бы вид, что приняла дедовы рассказы за чистую монету. Иногда стоит поверить в ложь, чтобы избежать нешуточных неприятностей, поберечь свои нервы и спасти душу от серьезных потрясений.

Места, сквозь которые вела тропа, были мне абсолютно незнакомы. Таким способом мы сокращали путь километров на двадцать. И лучше уж воспользоваться звериной тропой, чем пилить по разбитой тяжелыми грузовиками дороге.

Со всех сторон нас окружали заснеженные вершины. В ущелье было сумрачно и холодно, хотя солнце уже часа три как взошло над горизонтом. Узкая полоска ярко-голубого неба без единого облачка подтверждала: сегодня будет жаркий день. И это радовало. Должна же, наконец, погода устояться!

– Смотри! – прервал мои мысли голос Шихана.

Я не заметила, что он остановился.

Оказывается, тропа вывела нас на каменистое, лишенное леса угорье. Горы отступили, образовав скалистый котел.

Дед спешил. Я последовала его примеру. Омытая ливнем тайга буйно зеленела, а свободные от зарослей склоны гор затянуло оранжевым маревом. То пламенели жарки – чудо сибирской природы и символ ее чистоты. Они распускаются весной и цветут почти все лето, поднимаясь все выше и выше в горы. В августе их можно найти даже у подножия снежников.

– Узнаешь? – Шихан вытянул руку с зажатым в ней кнутовищем в сторону причудливо изрезанной каменной гряды, края которой виднелись за скальными стенами. – Это ж Хан-Таштык, токо с обратной стороны.

И я вспомнила, как впервые увидела эти причудливые скалы. Издалека они походили на лежавшего на спине великана в старинном шлеме с шишаком. На шишаке виднелся камень. Снизу посмотреть – не поймешь, на чем только держится...

«Таштык – большая каменная глыба. Каменище необхватное. Их много на курумах, – пояснил мне тогда Шихан, – но Хан-Таштык – всем камням царь... А под ним озеро есть, говорят, дна не достать. Вот как камень тот с шишака свалится в озеро, вода плеснет на богатыря, тогда поднимется Хан-Таштык, и все золото да серебро, что в земле лежит, наружу покажется. Повезет тому, кто в тот час в тех местах объявится. Лопатой можно будет грести. Только чтоб сам Таштык не заметил. Мигом в каменюку превратит...»

Помню, я долго оставалась под действием рассказа. Впечатлили меня не сокровища. Материальные блага меня тогда мало волновали, а вот помечтать я любила всегда. По ночам долго не могла заснуть. Раз за разом вставали перед глазами резкие очертания скалистой гряды, какими я их увидела впервые – особенно четкие на фоне вечернего неба. Чеканный профиль окаменевшего богатыря напоминал индейского воина в каком-то фильме о Диком Западе. Он был отчаянно красив, этот индеец в исполнении Гойко Митича... И я мечтала, что меня когда-нибудь полюбит такой же красавец, чертовски смелый и благородный... Способный на подвиги и великие жертвы ради моей любви... Но прошло время, я повзрослела и одновременно приобрела стойкую аллергию даже на слово «любовь»...

– Не бывала тут небось? – снова подал голос Шихан.

– Не бывала, – призналась я. – Да и зачем? Дальше метеостанции вплоть до Хан-Таштыка жилья нет. Несколько заброшенных зимовий, и все!

Дед покосился на меня и вытащил из-за пазухи кисет.

– И то дело! Не бабье это занятие по горам и тайге шастать!

Шихан опустил на замшелый валун и принялся сворачивать «козью ножку».

– Перекурить треба! – он снизу вверх посмотрел на меня. – Чего мнешься? Садись! В ногах правды нет!

– Дед Игнат, – я пристроилась рядом с ним, но с подветренной стороны, чтобы не вдыхать ядреный запах самосада, – что-то я тебя не пойму. Сам меня по тайге таскал, уму-разуму учил, а тут вдруг: «Нечего шастать!» Я ведь и тогда бабой была!

– Не бабой, а пацанкой, – проворчал Шихан. – Это другое дело. Только не знал я, не ведал, что ты себя заживо в наших краях похоронишь. Бабе нужно семьей жить, детей рожать. А ты че? Мужик в юбке?

– Дед, – я с удивлением посмотрела на него, – в последнее время я тебя не узнаю. Тебе вроде нравилось, что я порядок на участке навела. Нахваливал даже. Признавайся, что тебя укусило? И с чего вдруг про клады заговорил? Прямо соловьем заливался!

– Заливался, – кивнул головой дед, – а иначе как мужиков отвлечь? Они ж тебя вопросами засыпали бы. А тебе хотелось отвечать?

– Не хотелось, – вздохнула я. – Но ты ведь меня на болоте нашел? Правда?

– Правда, – буркнул дед. – И какая нелегкая тебя туда занесла? Туда ж ни тропы, ни дороги... И смотри-ка, на теле ни царапины...

– А ты рассматривал, что ли? – возмутилась я.

– Нужна ты мне больно, – нахмурился дед. – Я и мужиков-то разбудил после того, как ты под куртку залезла. Спали они, как убитые! Самих бы унесли, не заметили.

– Выпили, видно, крепко, – заступилась я за своих товарищей. – А мне такое привиделось, хоть водки хлебнула всего три глотка, чтобы согреться.

И я быстро поведала деду о своих приключениях, упустив кое-какие, на мой взгляд, ненужные подробности.

– Самое печальное, что я посеяла пистолет. А потеря табельного оружия, сам понимаешь, ничего хорошего не сулит.

– Постой! – Дед с неподдельным изумлением уставился на меня. – Ты ж сама попросила его спрятать. Ты ведь, девка, чуть не грохнула меня. – Он оттянул полу дождевика. – Глянь, дырка какая, слава богу, не в боку!

– Я? Стреляла? – на мгновение я потеряла дар речи. – Но я точно помню, пистолета у меня в руках не было.

Дед, хмыкнув, смерил меня насмешливым взглядом и, не переставая дымить, поднялся с камня и направился к лошадям. Отвязав притороченный к седлу «сидор», он перебросил его мне.

– Глянь! – приказал он. – И патроны посчитай! Три пули выпустила!

Руки мои дрожали от волнения, когда я, наконец, запустила руку в мешок. Пальцы коснулись холодного металлического предмета. Я вытащила его на свет божий. Точно! «Макаров»! Я бы узнала его из тысячи, как близкого родственника, как друга. Я вытащила магазин. Трех патронов не хватало!

– Та-а-ак! – Я посмотрела на деда. – Ты мне никогда не врал. Но я ничего, абсолютно ничего не понимаю! Отчего такое случилось? Откуда этот странный звук, огни, костры... Как я нашла Поганкину Марь, если сроду там не бывала? Но самое главное, что ты делал на болоте ночью?

Дед снова присел на свой валун и, закрыв глаза, вытянул ноги в сапогах.

– Что-то притомился я, – он зевнул и вопросительно посмотрел на меня. – Может, доберемся до метеостанции да передохнем пару часиков? Да и живот с голодухи подвело!

– С чего вдруг тебя на метеостанцию потянуло? – я с подозрением посмотрела на Шихана. – Туда же добрых километров десять. Я не могу терять время. Сам говорил, начальство меня обыскалось...

– Перебьется твое начальство, – дед спрятал кисет на груди и с кряхтением поднялся. – Не хочешь, и ладно! – Он из-под руки посмотрел на солнце. – Часа через три будем дома.

– Начальство не перебьется, – проворчала я и направилась к своей лошади. Проверила, не набило ли ей спину под седлом, подтянула ослабшую подпругу.

Дед, взгромоздившись на коня, молча наблюдал за мной.

– Мне голову открутят, – продолжала я сердито. – И за то, что стреляла, отвечать придется. Как ни крути, а я покушалась на твою жизнь. С перепугу, конечно, но теперь придется объяснять, при каких обстоятельствах... Думаешь, мне поверят?

– А ты не объясняй, – глаза деда сверкнули из-под капюшона, и, как мне показалось, совсем недружелюбно. – Я Севку и этого мужика, Замятина, кажись, предупредил, чтобы не болтали лишнего.

– Ну, ладно, про болото можно не рассказывать, но как объяснить, почему я стреляла?

– Дам я тебе патроны, – дед отвернулся и последние слова бросил уже через плечо. – Завалились у меня как раз штуки три или четыре...

– Завалились? – изумилась я. – С каких это щей у тебя завалились боевые патроны?

– С таких! – буркнул Шихан, не поворачивая головы, и направил свою лошадь вверх по тропе. – Все тебе расскажи-доложи!

– А мне интересно, – я заставила свою лошадь прибавить шаг и нагнала деда. – Может, у тебя и пистолет завалился?

Шихан резко натянул поводья и остановил лошадь.

– Марья, – усы его грозно шевельнулись, и он пробуравил меня взглядом, – ты хоть в тайге про протоколы свои забудь! Года два назад охотников я возил на гольцы. Так у одного

из них пистолет был. С пластинкой на рукоятке. Именной, значитца. С приятелем он самогона моего надрался, по банкам стрелял. И рассыпал патроны. В коробке они у него хранились. Вот несколько штук между половиц в зимовье и закатились. Я их в прошлом году случайно нашел. Половица сгнила, я ее начал менять, а там эти, патроны... Я их и подобрал. Или, скажешь, выбросить надо было!

– Их надо было сдать, – буркнула я.

Шихан хитро прищурился:

– И кто б тебя тогда выручил? Вишь, какгодились!

– Вон как ловко вырулил, – я усмехнулась. – Мало того, что иду на должностное преступление, так еще и тебе по гроб жизни обязана!

– Ничего, сочтемся, – дед снова обвел меня взглядом. – По-соседски! Давление когда придешь смерить или лицензию на отстрел медведя подсобишь достать. В прошлом году мне отказали...

– Да уж, – покачала я головой, – давление я тебе и так измеряю, а насчет лицензии – не жирно будет за три патрона-то?

– Три патрона? – усмехнулся дед. – Забирай выше, Марья. Я ведь и проговориться могу! Севка твой уже подкатывался...

– Так ты меня шантажируешь? – у меня даже перехватило голос от возмущения. – Что стряслось? Сколько раз я тебе помогала? И что? За ответные услуги?

– Ладно, закипела, как самовар! – Дед вновь направил свою лошадь по тропе. – Пошутить нельзя! Вон, как кошка, когти выставила.

– Дед Игнат, – покачала я головой, – все равно что-то не так. Раньше из тебя при посторонних слово клещами не вытянешь, а тут то шутишь, то сказки сказываешь! Что случилось?

– Езжай ужо, да помалкивай! – Дед махнул кнутовищем в сторону Таштыка. – Вишь, тучи в кучку сбиваются. Того и гляди снова ливанет.

Я посмотрела в том же направлении и ничего, кроме сизой дымки, не заметила, но если Шихан говорит, что скоро пойдет дождь, то непременно так и случится.

– Поспешай, – прикрикнул дед на меня, – а то перевал закроется! Придется в камнях ночевать...

Я решила не перечить. У меня еще будет время разобраться со странными отклонениями в повадках Шихана.

Глава 9

К своему дому я, как тать в ночи, пробиралась огородами, чтобы не вызвать ненужных расспросов. Соседи у меня зоркие, сразу отметят, что я одета в чужую, не по размеру одежду. Через час это станет известно всему селу, известие обрстет такими подробностями, что только диву будешь даваться полету народной фантазии.

Я спешила у околицы, передав Шихану поводья. Он понял меня без слов, лишь посоветовал вечером принять баню и хорошо попариться, чтобы изгнать простуду. Меня действительно лихорадило, да и могло ли быть иначе после того, как я почти голышом носилась в дождь по тайге.

Мне предстояло встретиться с Мордахиним и узнать, по какому поводу меня разыскивали.

Я благополучно перелезла через плетень, отделявший огород от леса. Кажется, никто меня не заметил. Пригнувшись, я миновала грядки с морковкой и первой зеленью, отметив по ходу, что их нужно срочно прополоть, и подошла к дому со стороны бани, двери которой были почему-то распахнуты настежь. Возможно, я забыла их плотно прикрыть, такое случалось, и не раз, и их просто отворило ветром. Но тут я бросила взгляд на окно дома, которое как раз выходило в огород, и даже запнулась от неожиданности. Оконную раму кто-то выставил, и теперь она валялась на земле. Сорванная занавеска втоптана в грязь. И кому она помешала?

Я осторожно приблизилась к окну. Несомненно, кто-то побывал здесь в мое отсутствие. Следов, и явно мужских, вокруг было множество, правда, дождь хорошо поработал над ними. Все же я разглядела: неизвестный злоумышленник, вернее – злоумышленники носили резиновые сапоги этак сорок третьего размера. В некоторых местах отчетливо просматривались оттиски рифленых подошв, но с разными узорами. Из чего я сделала вывод, что преступников как минимум двое. Сапоги были новенькими – рисунок просматривался довольно четко. Но в таких сапогах ходят почти все мои односельчане – первейшая обувь в сезон дождей.

Я с недоумением огляделась. С какой стати кому-то вздумалось проникать в мой дом? Чтобы ограбить? Но единственная ценность – казенный мотоцикл – стоял в гараже возле опорного пункта, а казенный конь Воронок в мое отсутствие находился в конюшне Шихана. Разумеется, вся округа знала, что у меня отродясь ничего не водилось, даже телевизор и тот еще с советских времен. И хотя я вполне могла купить новый, но не покупала, потому что с трудом выкраивала время на нехитрые домашние дела.

На крыльце у входной двери тоже виднелись следы, но их замели пучком травы, который валялся возле порога. Замок не взломан. Все-таки преступники поступили осмотрительно. Если бы они копошились возле двери, рано или поздно их мог кто-нибудь заметить. Наверняка соседские собаки подняли лай, и грабители убрались от греха подальше в огород, а там уже без опаски забрались в дом.

Я пошарила рукой за верхним косяком двери. Ключ оказался на месте. Я открыла дверь, вошла и замерла на пороге. В комнатах, начиная с прихожей и кухни, все перевернуто вверх дном. При одном взгляде на учиненный разгром мне стало понятно: сюда пришли не грабить, а искать.

Задние стенки книжного и платяного шкафов безжалостно оторваны; растерзанные книги валялись на полу вперемешку с одеждой и постельным бельем. Не пощадили и мою постель, вспоров подушки и бабушкину перину. Когда я вошла в спальню, пух и перья вновь поднялись в воздух. Увиденное потрясло меня настолько, что я даже не смогла выругаться. Везде были разбросаны фотографии, сами альбомы тоже вспороли ножом, и не просто вспороли, а искромсали в клочья. Сервант поставили на попа, не заботясь, что посуда вывалилась на пол и разбилась. Ящики тоже переломали, а половицы, все до одной, старательно отодрали,

но хотя бы вернули на место... На кухне проверили все кастрюли, коробки, банки и миски, свалив их в кучу вместе с продуктами, которые, как назло, завелись в моем холодильнике. Залезли даже в берестяные туеса. В одном хранилась мука, а в другом – мед, который по весне Шихан привез мне в подарок со своей пасеки.

Словом, мой дом кто-то долго и тщательно обыскивал, нисколько не заботясь о том, что хозяйка может в любой момент вернуться. Не один час методично калечил и уничтожал мои вещи, большинство которых уже не подлежало восстановлению. Вряд ли здесь орудовали чужаки. Значит, свои? Но кто из моих односельчан оказался таким смелым и наглым? Откуда им было знать, что я не успею вернуться к вечеру? Почему рисковали? Но главное, *что* искали в моих скромных пожитках?

Конечно, человеку неискушенному могло показаться, что кто-то решил мне насолить. Обиженных в селе и ближних деревнях немало, но своих тайных и явных недоброжелателей я знала наперечет. Никто из них даже в припадке бреда не решился бы на столь дерзкий поступок.

Я не чувствовала страха, не испытывала злости, поэтому, несмотря на усталость, засучила рукава и принялась за уборку. Мордахин подождет, думала я. Сколько раз он заставлял меня маяться в приемной, сколько раз тянул с решением пустяковых вопросов, сколько раз открыто вставлял палки в колеса, словом, относился с очевидной неприязнью. Видно, чувствовал тайную угрозу своей сытой и пока ничем не омраченной жизни.

Я наполнила осколками и обломками два травяных мешка, но порядка в комнатах не прибавилось. Похоже, труды не закончатся до глубокой ночи. Я снова с безмерной тоской огляделась вокруг. Нет, пора сделать передышку и перекусить. Конечно, если что-то отыщется для перекуса. Я прошла на кухню. Продукты я еще раньше затолкала в холодильник, теперь принялась исследовать его содержимое. Это продолжалось пару минут.

– Привет! – внезапно раздалось за спиной.

От неожиданности я выронила банку рыбных консервов. По закону подлости она упала мне на ногу, но боли я не почувствовала, больше того, потеряла дар речи и какое-то время стояла, открыв рот, не веря своим глазам. А тот, кто поверг меня в ступор, спокойно подошел почти вплотную, поднял банку и вручил мне, а затем спросил как ни в чем не бывало:

– Что случилось? Ремонтом занялась?

Ремонт? Я мгновенно пришла в себя. Только он мог задать такой нелепый вопрос. Борис! Но с какой стати он ко мне заявился?

– Что *тебе* нужно? – с вызовом произнесла я. И, отправив банку в холодильник, захлопнула дверцу.

Скрестив руки на груди, я оперлась спиной о холодильник, тем самым отрезав пути для отступления, впрочем, отступать все равно некуда. Борис по-хозяйски основательно устроился на уцелевшей табуретке и окинул меня насмешливым взглядом.

– Да уж не ради тебя пришел, – процедил он сквозь зубы и прищурился. – Тебе разве не передали, что я здесь с утра? Есть кое-какие вопросы по нашим общим делам.

– У нас нет общих дел, – парировала я. – Только служебные.

– А что, я выразился иначе? – Улыбка скривила его губы, а взгляд помрачнел. Он холодно поинтересовался: – Где тебя носило?

– Я должна отчитаться? – высокомерно спросила я, хотя понимала, что это чревато – если моя бывшая сердечная боль настроена официально.

– Отчитаешься где надо, – буркнул Борис и бросил взгляд по сторонам. – Мебель-то зачем переколотила? Стрессы, что ли, снимаешь?

– Не твоего ума дело! – отрезала я. – У себя дома, что хочу, то и ворочу! Зачем пожаловал? Выкладывай! Некогда мне ласы точить.

– А ты изменилась, – усмехнулся Борис, – говорили мне, что ты дама жесткая, только я не верил. Раньше, помнится, чуть что – и в слезы!

– Кончились слезы, – я усмехнулась. – Сам знаешь, слезами горю не поможешь...

– Я знаю, – снова помрачнел Борис, – и сочувствую... Я помню, как ты любила бабушку...

– Тебя не касается, – оборвала я его. – Давай ближе к делу!

Борис бросил быстрый взгляд по сторонам.

– Где бы нам пристроиться? Тут такой кавардак, что негде даже разложить документы.

Только теперь я заметила портфель возле его ног. Из дорогой кожи, с позолоченной пластинкой, выгравированными на ней словами. Наверняка подарок Верунчика. Она любила, имела возможность и умела делать дорогие подарки. Мне не хотелось думать, что именно это привлекло к ней Бориса.

Чтобы избавиться от мыслей о Веркиных талантах, я быстро занялась делом: освободила кухонный стол от хлама, протерла клеенку. Все это время я чувствовала взгляд Бориса, но старалась не подавать вида, что он меня тревожит. Я вообще не люблю, когда за мной наблюдают: у меня все валится из рук, я начинаю суетиться и совершать непростительные ошибки. А когда на меня кричат, вообще тупею. В последнее время как-то попривыкла, потому что в службе участковых всякая планерка начинается исключительно с дикой ругани.

Я принесла стул с пробитым сиденьем. Борис окинул его скептическим взглядом, я сделала вид, что ничего не заметила, но положила на сиденье подушку, чтобы не провалиться.

– Зачем же стулья ломать? – не сдержавшись, спросил Борис.

– Не лбы же разбивать, – ответила я не слишком учтиво, чтобы он не расслаблялся и сразу приступил к делу.

Борис хмыкнул и разложил на столе бумаги. Внушительную, скажу вам, стопку. Я поняла, что разговор предстоит долгий. Но о чем, пока не догадывалась. А неожиданный гость рассортировал бумаги на три части и строго, как подобает начальнику, посмотрел на меня.

– Смотри сюда! – приказал он и, не меняя тона, спросил: – Ты в курсе, что на болотах периодически пропадают люди?

– Естественно, – ответила я. – Только это не мой участок, а самодеятельность – не мой профиль. Можно и по шапке схлопотать, чтобы не совала нос в чужие дела.

– Наслышан, наслышан, – усмехнулся Борис, – как ты не суешь свой нос! Но любопытство не порок, если на пользу дела. Ладно, не будем отвлекаться, – он прихлопнул стопку бумаг ладонью. – Здесь – копии протоколов осмотра мест происшествия, заключения экспертов, показания свидетелей, наших сотрудников и спасателей МЧС, фотографии... Куча документов, а как были эти дела «глухарями», так ими и остались. Правда, часть из них достались мне в наследство от Жукова, – назвал он своего предшественника. – При нем – случая два за год, от силы – три. Стоило мне вступить в должность, косяком повалили. Ежемесячно люди пропадают, а за последние две недели уже трое потерялись. Двоих нашли, одного с трудом опознали: зверье постаралось. Третий сгинул две недели назад. С собаками искали, вертолет МЧС запросили – никаких концов. Как корова языком слизнула. Да еще этот, последний случай, – он удрученно посмотрел на меня, – бывший полковник ФСБ, крупный чин в краевой администрации...

– Да-а? – только и могла сказать я, сразу представив последствия. Печальные, надо сказать, и для самого Бориса, и для нашего общего начальства. Милиция в таких случаях всегда крайняя.

– И с какого перепуга его в тайгу понесло? Сидел бы возле костра да водку жрал с приятелями. Нет, оказался трезвенником и фотолюбителем. На нашу голову! – Борис впервые при мне выругался, но, кажется, даже не заметил этого.

Я поняла, насколько он расстроен и даже напуган, а ведь надо сильно постараться, чтобы его напугать.

– Чем я могу помочь? – спросила я. Какие обиды, если погибают люди и никто не в состоянии понять отчего.

– Вот хронология событий, – Борис развернул папку с документами. – Самое главное – посмотри на карту: все происшествия странным образом концентрируются возле Макаровка, заброшенного села...

– Знаю, – кивнула я, – лет двадцать, а то и тридцать как оно исчезло. Мне Шихан рассказывал, там вроде какая-то чертовщина случилась. Вроде клад древний обнаружили, а после этого люди стали умирать.

– И ты веришь в эти бредни? – скептически скривился Борис. – Что, мало деревень в России, где кладыв находили? И все вымерли? И кто этот Шихан?

– Да дед Игнат, сосед мой. Шихан его кличка...

– Слушай, давай о деле, – перебил меня Борис. Он снова взялся за бумаги. – Я собрал материалы за последние двадцать лет, когда стали фиксировать подобные случаи...

Борис вдруг озадаченно хмыкнул и посмотрел на меня:

– Когда, говоришь, Макаровка приказала долго жить?

Я молча уставилась на него.

– Ну, да... – смущенно улыбнулся Борис, причем я удивилась его смущению, но снова не подала виду. – Ладно, допустим, совпадение.

– Может быть, – пожала я плечами. – Но все же, почему именно там?

– Вот это я и хочу понять! – Борис достал из кармана пачку сигарет и вопросительно посмотрел на меня: – Можно?

– Пожалуй, составлю тебе компанию, – я потянулась к подоконнику за пепельницей.

– Ты... куришь? – с изумлением произнес Борис. – Зачем?

– Затем, – отрезала я и прикурила от его зажигалки. – Все течет, все изменяется.

– Я тебя не узнаю, – покачал головой Борис. – Конечно, я понимаю...

– Ничего ты не понимаешь, – я в упор посмотрела на него. – И если я закурила, то не ты тому причиной. Все давным-давно забыто!

Борис посмотрел на меня печально-печально, но я не отвела взгляда. Он был хорошим опером, мой бывший жених, а еще неплохим актером, что очень помогало ему в работе. Но я не попала на удочку. Чтобы прекратить лицедейство, уставилась на карту. Там красным фломастером был обведен участок тайги, где обычно пропадали люди. Я сразу отметила, что он похож на каплю: в широкой части находилась Макаровка, затем «капля» сужалась, охватив всю Поганкину Марь. И самая узкая часть, как стрела, нацелилась в сторону моего участка.

– Я же говорю, это участок Петровича, – ткнула я пальцем в карту. – Самые глухие места. Даже на лошади не пробраться. Чего ты хочешь от меня?

– Пока не знаю, – честно признался Борис. – Давай вместе подумаем. Вот тут... – он обвел карандашом самый широкий участок, – наибольшее количество пропавших: за десять последних лет – двадцать семь человек. Шестнадцать трупов людей, погибших странной смертью. Но в последние годы происходит как бы смещение в сторону твоего участка. Причем направление строго выдержано: в пределах определенной зоны, ни вправо, ни влево – никаких отклонений.

– Похоже на каплю, – изрекла я задумчиво, – которая оторвалась от карниза...

Борис недоуменно посмотрел на меня, но, видно, не разделил моего лирического настроения. И я предпочла дальше не распространяться.

– Давай по порядку, – предложил он.

Я кивнула.

– Первый нормально задокументированный случай произошел в девяносто третьем году, в июле месяце. Это примерно в тридцати километрах от того места, где позавчера умер или

погиб этот гэбист Ключков. Зачитываю показания тогдашнего начальника уголовного розыска нашего РОВД Тихонова. «Вечером компания рыболовов, все люди взрослые, опытные, сидела возле костра. Михаил Исаков, тридцати пяти лет, резко встал и, ничего не говоря, быстро пошел от озера в сторону леса. Его окликнули, но он уже скрылся в темноте. Ну и ладно, подумали: «В туалет мужику приспичило». Примерно через час забеспокоились. Покричали. Сходили в деревню Плетневку поблизости – она тоже нежилая, только дачники по выходным приезжают – нет парня. На следующий день искали его самостоятельно. Вроде бы нашли. Один из товарищей Исакова утверждает, что увидел его издалека. Начал кричать, звать, но Исаков оглянулся на лес, будто его манили оттуда, и опять убежал. Лишь вечером следующего дня рыболовы связались с нами. Опять пришлось прочесывать территорию. Но на этот раз безуспешно. Труп нашел местный охотник спустя два месяца. Тело объел медведь, но эксперты дали заключение, что хищник перекусывал уже мертвечиной...» – Борис посмотрел на меня. – Понимаешь, как и в случае с Ключковым, мертвец был обнажен. Пропали даже ботинки с носками. Милиционеры специально искали по окрестностям одежду Исакова, но так ничего и не обнаружили.

Борис вновь потянулся к пачке сигарет, даже достал одну, но не закурил, принялся мять ее, пока табак не посыпался на стол. Но он этого не заметил.

– Я вчера встретился с Тихоновым, – сказал Борис, – ему за шестьдесят, но он еще крепкий мужик, и, главное, с памятью у него все в порядке. Вот что он мне рассказал. Я записал на диктофон, а потом расшифровал записи. Читай...

– Сам читай, у тебя почерк – с лупой не разберешь, – отодвинула я бумаги.

Борис хмыкнул, но принялся послушно читать: «Похоже, это не криминал. У меня сложилось впечатление, что у погибших перед смертью «съезжала крыша», им казалось, что стало жарко – одежду они явно сами срывали. В чем причина – не понимаю. Могу допустить, что городские люди растерялись в лесу и запаниковали. Но чтобы местные так странно умирали...»

– Жарко, говоришь? – мне стало не по себе. Ведь я тоже сорвала с себя одежду, когда бежала по тайге к этому чертову болоту. Почему это случилось со мной?

– Это лишь догадки, – Борис, кажется, не придавал значения моему вопросу.

Его слова снова заставили меня вспомнить ощущения дикого страха и безысходности, которые я испытала прошлой ночью. Я поежилась. Мне стало по-настоящему жутко. Приближалась ночь, и где гарантия, что странный звук вновь не разбудит меня?

– Тихонов сообщил в область о странной гибели людей, поставил на уши прокуратуру, – продолжал рассказывать Борис, и это отвлекло меня от воспоминаний о кошмаре. – Поскольку явных признаков преступления не было, дела закрыли. Действия самого Тихонова – прочесывание леса, работа со свидетелями, составление протоколов – признаны грамотными. Тем более что подобные происшествия случались и раньше, и опять же вблизи Макаровки. Об этом мне рассказал бывший прокурор района. Сейчас он тоже на пенсии. По его словам, подобные смерти как-то не связывали в единое целое. А потом с начала девяностых пошло-поехало. Я уже говорил: шестнадцать случаев обнаженных трупов. Еще полтора-два десятка случаев под подозрением...

Борис открыл вторую папку.

– Вот лишь несколько примеров. Осенью того же девяносто третьего года обнаружен труп сторожа лесопилки. Обнаженный. Одежда рядом, скинута ворохом. Пуговицы от рубашки отлетели в стороны, будто человек сбрасывал ее второпях, до конца не расстегнув. Эксперты причину смерти не установили – объяснили тем, что у него сердце пошаливало...

– Вполне могло сердце подкачать, – перебила я Бориса, – если человек сильно испугался...

– Испугался? – с недоумением посмотрел на меня Борис. – Что можно встретить в наших лесах и напугаться до смерти? Ты что-то знаешь? Слышала?

– Ничего я не слышала, кроме того, что люди на болотах и вправду пропадают. У нас в Марьясове, да и в окрестных деревнях, подобного не случалось. Лет пять назад мужик в тайге заблудился, но через два дня сам вышел. От стыда чуть не помер, бедняга. Позор ведь – в тайге жить и в ней заблудиться.

Борис смерил меня взглядом, но ничего не ответил, лишь вновь уставился в бумаги.

– На следующий год сразу два ЧП в течение месяца. Два местных мужика ходили за ягодами и не вернулись. И вновь вскрытия показали, что следов насильственной смерти нет, содержание алкоголя минимальное. Девяносто четвертый год. Два жителя деревни Крюковка отправились осенью в район Поганкиной Мари за клюквой. Разошлись. Один не вернулся. Через два дня нашли тело. Ягоды рассыпаны. Одежда сложена в корзинку. В том же году в конце сентября нашли труп грибника из города. Сидел на пеньке босиком, опять из корзинки вывалил. Сапоги с носками аккуратно поставил рядом. – Борис перевернул несколько страниц. – Все истории рассказывать не буду. Они большей частью схожи, отличия лишь в несущественных деталях.

– Может, напрасно ты туман нагоняешь? – осторожно поинтересовалась я. – Прежде чем выдавать на-гора версии, нужно внимательно просмотреть все документы, сведения о погибших. Нужно поговорить со специалистами: врачами, химиками, наконец... Обобщить все сведения, показания свидетелей, заключения ученых и только потом попытаться их проанализировать. Я уверена, объяснение лежит на поверхности. Ну, не чертовщина же в наших лесах завелась?

– Тебе все шуточки, – смерил меня сердитым взглядом Борис, – а у меня того гляди звезды с погон посыплются. Я ведь в академию МВД собрался поступать. Только, кажется, в ближайшем будущем мне не светит.

Он с тоской огляделся по сторонам и неожиданно спросил:

– Выпить у тебя найдется?

Я молча развела руками.

– Ну и слава богу, – скривился Борис, – хоть пить не научилась!

– А тебе-то что за дело? Пью – не пью, курю – не курю! Тебя не касается! Есть свой объект заботы, вот о нем и заботься! А я уж как-нибудь сама!

– Вижу, как ты сама! – Борис скептически усмехнулся. – Квартину в бомжатник превратила!

– В бомжатник? – взвилась я от злости. – Что ты знаешь... – Я махнула рукой. Усталость вдруг накатила со страшной силой, я поняла, что сейчас запросто свалюсь на пол и засну, и ничто меня не остановит, даже присутствие Бориса, который с ошеломленным видом взирал на меня. Мне уже ни о чем не хотелось думать, мечтала я лишь об одном – чтобы Борис Садовников, мой бывший жених и нынешний начальник, убрался восвояси. И по возможности быстрее, чтобы я не успела выйти из себя. Даже сейчас мне не хотелось показывать ему, насколько изменился мой характер.

– Ты на себя посмотри, – буркнул Борис и медленно, словно задался целью разозлить меня окончательно, принялся собирать бумаги. – На кого похожа? Вон и губа разбита. И одежда будто с чужого плеча...

– Послушай, – сказала я тихо, – я прекрасно знаю, на кого я похожа. И это тоже не твоего ума дела. Забирай свои бумаги и уматывай. Нужна буду, вызовешь в отдел. Прикажешь, стану работать, а так, по старой дружбе... Ищи дураков в другом месте. Случится что, ты меня первым сдашь, потому что за звезды свои трясешься!

– А ты еще и поглупела! – Борис защелкнул замок портфеля и с явным презрением посмотрел на меня: – Выходит, я не ошибся, когда выбрал Веру. Она, по крайней мере, не орет, как базарная баба.

– Ах ты! – я задохнулась от возмущения, замахнулась, но Борис перехватил мою руку.

Я попыталась вырваться, но его пальцы больно сдавили запястья. Он перевел мои руки за спину, отчего я оказалась прижатой к его телу. Тут у меня и вовсе помутилось в голове: вдруг вспомнилось, как он прижимал меня к себе совсем с другими намерениями. Борис тоже вспомнил. Неожиданно он ослабил хватку, я вывернулась, но он притянул меня за плечи и, чего я никак не ожидала, поцеловал в губы. Причем так, что у меня отпало всякое желание сопротивляться. Некоторое время мы иступленно целовались. Его руки проникли под куртку и принялись бродить по моему телу, затем одна замерла на груди, а вторая спустилась ниже, к бедрам. Он еще теснее прижал меня к себе, я почувствовала его напряжение. Человек, который только что оскорблял меня, сравнивал с другой женщиной, на самом деле страстно хотел уложить меня в постель. Уж в этом-то я никак не могла ошибиться! Впрочем, в такие моменты до постели редко добираются. Вот и Борис подхватил меня под ягодицы, усадил на кухонный стол, потянув с меня куртку, а за ней и спортивные брюки Замятина. И если бы он не запутался в замках и завязках, я бы, наверно, вовсе рассталась с рассудком. Но он промедлил, и это привело меня в чувство.

– Нет! – что было сил я толкнула его в грудь. – Проваливай!

И когда он, отшатнувшись, с каким-то жалобным недоумением уставился на меня, я уже без истерики, твердо сказала:

– Нет, Борис! Ничего не получится! Езжай домой, тебя жена заждалась!

– Ну и дура ты! – с досадой произнес Борис.

Он смерил меня презрительным взглядом, взъерошенную, растрепанную, в расстегнутой чуть ли не до пупа рубашке.

– Я с тобой по-хорошему хотел, – он постучал в грудь кулаком и совсем неожиданно с тоской произнес: – Не умерло здесь! Понимаешь, не умерло! А ты... – он махнул рукой и направился к выходу из кухни.

Я продолжала сидеть на столе, схватившись за столешницу с такой силой, что у меня заломило пальцы. На пороге Борис оглянулся. Его взгляд почему-то напомнил мне взгляд соседской собаки, которая попала под колеса мотоцикла и потом долго и мучительно болела. Сосед, в конце концов, пристрелил ее из жалости. Но разве я могла проделать то же самое с Борисом? Даже из милосердия, из сострадания?

Я отвела взгляд и прыгнула со стола. За моей спиной хлопнула дверь. И я снова осталась одна. Быстрые шаги простучали по ступенькам, но я намеренно сдержала себя и не подошла к окну, чтобы посмотреть вслед своей любви. Нет, ничего не затерлось в памяти! Слезы набежали на глаза. Я всхлипнула, но взяла себя в руки и набросила куртку на плечи – отчасти, чтобы сохранить тепло ладоней Бориса на своем теле и след его поцелуев на шее и груди. Меня слегка потряхивало от возбуждения, губы продолжали гореть и слегка побаливали от слишком жадного поцелуя, а щеки полыхали, как в огне. Господи, зачем он здесь появился? Чего добивался? Как расценить его поступок? Мгновенное помутнение рассудка, похоть, вождение?

Я решительно тряхнула головой, а затем взяла кружку с водой и вылила себе на затылок. Ледяная влага мгновенно привела мои мысли и чувства в исходное состояние. «Ты абсолютно права, Маша! – сказала я себе. – Борис испытывает к тебе все, что угодно, но только не любовь! И пора уже к этому привыкнуть и не травить душу напрасными надеждами!»

Взглянув на часы, я всплеснула руками от неожиданности. Боже, уже вечер! Десятый час! Даже не заметила, как пролетело время. Горестно вздохнув, я снова принялась за уборку.

Глава 10

Все валилось у меня из рук то ли от усталости, то ли от расстройства чувств. Визит Бориса не просто испортил мне настроение. Он всколыхнул прошлые обиды. Я злилась, и злилась ужасно, что расслабилась и позволила поцеловать себя, выдала волнение, что организм среагировал на его прикосновения вопреки моей воле. Но вопреки ли? Сомнения совершенно выбили меня из колеи.

Я почти не сомневалась, что Садовников лукавит, но с какой стати? Неужели ему так важна моя помощь? Я – простой участковый, а у Бориса целый штат сотрудников, опытных и сильных мужиков. К тому же это не мой участок. На нем заправляет майор Высотный, которого вся округа еще с лейтенантских погон называет Петровичем. А это несомненный знак уважения и признания. В наших таежных местах участковый и царь, и бог! Конечно, если поступает с сельчанами по-божески, не слишком прессуя, но и не распуская. Авторитет Петровича непререкаем. Любые попытки влезть в его дела Высотный расценит однозначно: как желание его подсидеть. Не секрет, что он метит на место начальника службы участковых. Для этого у него есть все предпосылки: и стаж, и опыт... Правда, показатели у него в последнее время подкачали, да еще один за другим непонятные трупы... Тот, кто раскроет тайну, наверняка получит повышение. И все же, почему Борис решил сделать ставку на меня, а не на соседа?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.